

КРИСТИНА ВУД

ЗАБУДЬ МЕНЯ

ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

КНИГА 1

16+

Зомбиапокалипсис

Кристина Вуд

Забудь меня, если сможешь

«Автор»

2021

Кристина Вуд

Забудь меня, если сможешь / Кристина Вуд — «Автор»,
2021 — (Зомбиапокалипсис)

ISBN 978-5-532-93884-7

Когда кровожадные зомби заполнили улицы Лондона, ученые корпорации «Нью Сентори» начали поиски методов для спасения человечества. Они утверждали, что, пройдя процедуру оздоровления, люди смогут вновь обрести долгожданное спасение. В городе остались те, кто отказался примкнуть к идеям обезумевших ученых. Корпорация считала их своим главным врагом, ведь повстанцы выступали против оздоровления, а значит - против светлого будущего для грядущих поколений. Самым неуловимым оказался отряд «Торнадо» под руководством главаря с кодовым именем Рон. Ученые решили ответить аналогичными мерами, послав в тыл врага своего шпиона. До оздоровления ее звали Евой. Теперь она - №7, и ей предстоит разрушить «Торнадо» изнутри. Ее кровь очищена и способна противостоять любым вирусам. Ее сознание настроено на волну «Нью Сентори», и она не может послушаться приказа. Но создатели совершенного солдата не учли одной детали - в груди усовершенствованной №7 бьется человеческое сердце, способное сострадать и любить.

ISBN 978-5-532-93884-7

© Кристина Вуд, 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	39
День первый	40
День четвертый	41
День пятый	44
День шестой	45
День седьмой	46
День восьмой	47
День девятый	48
День десятый	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кристина Вуд

Забудь меня, если сможешь

Посвящается моему самому строгому критику – мужу.

Возможно, в этой книге ты не найдешь чего-то нового, но знай, что в книге моей жизни все лучшие главы – о тебе

Глава 1

Я не видела отражение в зеркале три недели, ровно двадцать два дня. Я не имею ни малейшего понятия кто я и где нахожусь. В мыслях лишь одно – выполнить приказ. Миссию, порученную мне свыше.

Делаю первый шаг в сторону серебристых дверей, направляясь в неизвестность. В небольшом помещении, куда меня поместили на три недели, светло. Слишком светло. Несколько флуоресцентных ламп излучают холод полярной ночи.

Слегка дотрагиваюсь до холодной ручки двери, чуть отталкивая ее от себя. В помещение проникает звонкий гул незнакомых голосов, отзывающихся эхом в глухих белых стенах. Полностью открывая дверь, я шагаю во вселенские просторы огромного зала, в котором находятся, по меньшей мере, двадцать человек.

Наблюдаю за тем, как люди выходят из дверей, в точности таких же, как и моя. На них свободно сидят костюмы чисто белого покроя с вышитым серебряным треугольником в области сердца, внутри которого скрещены английские буквы N и S. Молодые юноши, и девушки странно озираются по сторонам, подозрительно оглядывая друг друга. Со стороны мы смотримся как сплошное белое пятно с серебряными треугольниками, аккуратно вышитыми на груди.

Идеальная армия ничего не подозревающей молодежи.

Встаю рядом с девушкой лет двадцати с короткими черными волосами необыкновенной густоты. Несколько секунд она задерживает оценивающий взгляд на моем лице, теле, комбинезоне, и вновь устремляет любопытные карие глаза на главную дверь огромного помещения.

Невольно в сознании зарождается мысль: а как выгляжу я? Густые ли у меня ресницы или же толстые губы? Быть может, мой правый глаз больше левого? Быть может, поэтому она направила странный взгляд в мою сторону?

Но тут же отгоняю эти бесполезные мысли, ведь я пришла сюда, чтобы выполнить приказ, я должна принести пользу нашему обществу и мне плевать, как я выгляжу.

В воздухе раздается мелодия, состоящая из трех коротких тактов, и через несколько секунд на белоснежной стене справа от меня появляется цифровое изображение женщины в светлом халате, на левой стороне которого идеально вышит символ в виде серебристого треугольника, внутри которого расположена знакомая комбинация букв N и S. Пшеничные волосы аккуратно уложены в низкий пучок, на пухлых губах красуется кровавая помада, а взгляд серых стеклянных глаз уверенный, полный стальной решимости.

– Добро пожаловать в будущее, солдаты, – медленно и внятно проговаривает она. – Спешу вас поздравить, вы все успешно прошли процедуру санации. Корпорация «Нью сентори» благодарит вас, ведь вы выбрали светлое будущее вместо мрачного прошлого. Чтобы получить дополнительные сведения и подробный инструктаж, касательно вашего приказа, пройдите в соответствующий блок.

Женщина с серыми пронзительными глазами исчезает, и на интерактивной доске появляется таблица, состоящая из множества цифр и различных букв английского алфавита.

– Пожалуйста, отыщите нужный вам блок, соответствующий вашему порядковому номеру на панели быстрого доступа, – ее громкий голос, лишенный каких-либо эмоций, продолжает парить в воздухе.

Несколько секунд бегло осматриваю таблицу в поисках знакомой комбинации цифр.

7-3A.

– Напоминаю, чтобы получить дополнительные сведения и различные материалы о вашей личности и подробный инструктаж, касательно вашего приказа, пройдите в соответствующий

блок. Пожалуйста, отыщите нужный вам блок, соответствующий вашему порядковому номеру на панели...

Монотонный голос стальной женщины постепенно пропадает из моего восприятия, потому как ноги ведут меня к блоку 3А. Проходя две серые лестницы с широкими ступенями, я заворачиваю за угол. Передо мной открывается просторный светлый зал, усыпанный бесконечным потоком людей в белых халатах со знакомой эмблемой на груди.

– Мне сказали пройти в этот блок.

Я обращаюсь к мужчине в белоснежном халате, который продолжает что-то усердно печатать на небольшом сером планшете.

Он с неохотой отрывает взгляд темных глаз от планшета, бегло осматривает мой белоснежный комбинезон и без особой на то надобности поправляет очки в бронзовой оправе.

– Прошу за мной, – без энтузиазма проговаривает мужчина, ведя меня к огромным серебряным дверям.

Через пару секунд две большие двери распахиваются, и я уверенно шагаю в кабинет, в котором располагается овальный стол для переговоров с белоснежной поверхностью, вокруг которого расположены несколько стульев. На большой стене слева свисает надежная интерактивная доска. Боковым зрением наблюдаю как мужчина, приведший меня сюда, мельком кивает и мгновенно исчезает из помещения.

Меня встречают два пронзительных взгляда мужчины и женщины средних лет. Оба в традиционных белоснежных халатах корпорации «Нью сентори» с серебряным треугольником на груди. Я сразу же подмечаю знакомый стеклянный блеск серых глаз, хищную улыбку пухлых губ цвета крови и аккуратно уложенные в пучок светлые волосы. Это ее решительный голос несколько минут продолжает звенеть в ушах, вынуждая отыскать нужный блок, соответствующий порядковому номеру...

– Добро пожаловать, номер семь, – без лишних эмоций проговаривает женщина, откладывая небольшую черную папку в сторону. – Тебе нет нужды запоминать наши имена, но я все же представлюсь. Меня зовут Диана, я являюсь вице-президентом корпорации «Нью сентори». Сейчас мы проведем тебе подробный инструктаж, касательно твоей личности как таковой, и твоего задания, миссии, приказа, называй это как хочешь, – она просовывает руку в карман халата и достает маленький пульт с разноцветными кнопками, утопающий в ее бледной ладони.

Через мгновение на экране интерактивной доски высвечивается фотография молодой девушки параллельно с различной информацией в виде анкеты. Несколько секунд мой взгляд блуждает по цветной фотографии ее лица. Грубо срезанные на концах волосы оттенка молочного шоколада ровной волной едва достигают плеч. В глаза мгновенно бросаются ярко выраженные длинные ключицы и тонкие скулы. На щеках и в области носа едва заметно рассыпаны желто-коричневые пятнышки. Светлые ресницы обрамляют глаза самого-самого синего цвета, а худосочные бледно-розовые губы сложены в одну напряженную линию. Взгляд цвета бездонного моря не самый дружелюбный, излучает гнев, непокорство и готовность напасть на любого, кто посмеет прикоснуться к ней.

Очевидно, девушка не хотела, чтобы эта фотография украшала ее досье.

– Ее звали Ева Финч, – раздается монотонный голос Дианы. – Все люди за периметром будут называть тебя именно так, но ты должна хладнокровно реагировать на подобные заявления. Тебя зовут номер семь, никакой Евы Финч ты не знаешь.

Пару раз моргаю, продолжая осматривать анкету.

– Ева Финч, возраст двадцать один год, рост шестьдесят пять дюймов, вес сто шестнадцать фунтов, – моноotonно проговаривает мужчина, зачитывая информацию с планшета из серого пластика. – Родители трагически погибли, братьев и сестер не имеет. С самого рождения проживала в Лондоне. Добровольно прошла процедуру оздоровления три недели назад.

– Миссии, на которые мы отправляем таких как ты, имеют свои сложности и определенные нюансы. Но каждый, кто участвует в операциях, каждый из вас по-особенному важен для нас, – продолжает женщина, сверкая серыми пронзительными глазами. – Вы – будущее поколение с идеальным генофондом, полностью очищенное от различных изъянов в вашем ДНК. Ваша кровь натренирована и научилась адаптироваться или полностью уничтожать вирусы различного происхождения. Ваша основная задача состоит в том, чтобы проникнуть в тыл мятежников, противящихся санации, и без принуждения убедить их благополучно пройти процедуру. Здоровье будущих поколений в твоих руках, солдат, – она продолжает упорно глядеть на меня, с грохотом роняя светлый планшет на стол. – Группа, в которую ты должна проникнуть состоит из десяти человек, но не питай по этому поводу никаких иллюзий. Наш центр прозвал эту группу «Торнадо» по той простой причине – этих мародеров мы ловим уже три месяца, но каким-то чудесным образом каждый раз им удается ускользнуть от нас. Запомни, эти люди опасны для будущих поколений. Они опасны для тебя.

– Если честно, мы недооценили этих ребят, – признается мужчина, поправляя удушающий черный галстук на шее. – Мы навели некоторые справки по каждому из участников группы, – несколько раз нажимая на разноцветные кнопки небольшого пульта, растворяющегося в его ладони, он направляет взор на интерактивную доску.

На экране высвечивается анкета одного из участников «Торнадо». Вместо фотографии изображен цветной снимок с камер видеонаблюдения не самого лучшего качества. На фото изображен профиль мужчины: взгляд сосредоточен, веки сощурены, темные волосы – неизвестного оттенка из-за сомнительного качества снимка – коротко острижены, на шее с правой стороны красуется татуировка небольшого черного скорпиона, заметны крупные остроконечные лапы и коричневый оттенок в области хвоста и жала.

– Зовут этого юношу Рон, настоящее это имя или же его позывной – нам неизвестно. Возраст, примерно, от двадцати пяти до двадцати восьми лет. Является негласным главарем «Торнадо» и это все, что у нас на него имеется, – сообщает мужчина. – Далее следуют его сообщники по так называемой повстанческой деятельности: Сэм, Джеймс, Питер и Роберт. К сожалению, их фотографии отсутствуют в нашей базе данных. По неофициальным данным в группе орудует хакер, которому удается максимально отгородить и ввести в заблуждение наших лучших специалистов по информационным технологиям. Твоя задача выявить этого человека. Всем четверым юношам от девятнадцати до двадцати трех лет, но, не смотря на их юный возраст, вместе они пять хладнокровных машин для убийств, а поодиночке еще опаснее.

– Твоя задача, номер семь, проникнуть в тыл «Торнадо» под видом беззащитной девушки, – объявляет Диана. – Ты должна незаметно вывести дальнейшие планы группы, для этого тебе необходимо всегда находиться рядом с главарем. Для контроля тебе выдали специальное оборудование, – она кивает на небольшой серебристый металлический браслет, намертво закрепленный на моей левой руке. – Есть вопросы?

– Нет, мэ, – незамедлительно следует мой ответ.

– Отлично, – она кивает, окидывая меня оценочным взглядом с головы до ног. – Помнишь слоган нашей компании?

– Ваше здоровье в наших руках, – отчеканиваю я словно молитву.

– И еще, – она резко останавливается на пути ко мне, – постарайся проявлять больше эмоций по отношению к инфицированным людям. Эмоции – неотъемлемая часть жизни каждого зараженного.

Я тут же послушно киваю.

– Сейчас тебя доставят в сектор десять. Удачи, номер семь.

* * *

Она резко хватается меня за руку, потягивая вперед. Слух улавливает ее тоненький детский голосок, она что-то говорит, ее маленькие алые губки постоянно дрожат и шевелятся, но я не понимаю, не понимаю, не понимаю, что они говорят.

Мы бесконечно долго бежим, перепрыгивая через городские препятствия. В глухом городе господствует непроглядная тьма. Вокруг раздаются какие-то прерывистые опасные шипения. В груди разрастается неизвестное, незнакомое чувство, которое заставляет сердце биться в конвульсиях, а руки нервно дрожать.

Улавливаю перед собой светлые длинные косы, прыгающие из стороны в сторону. Девочка озирается назад слишком часто, слишком испуганно.

Кто-то резко зажимает мне рот, другой рукой грубо стискивает плечо. Чувствую противный запах, исходящий от светлой тряпки, приложенной к лицу. С каждым вдохом я теряю чувствительность ног, они медленно подкашиваются. Чьи-то руки умело подхватывают мое безжизненное тело...

– Сектор десять, – объявляет суровый мужской голос, вырывая из сна.

Сон – всего лишь один из побочных эффектов оздоровления. В оздоровленном организме не должно быть никаких снов. Человеческий организм после процедуры санации не должен чувствовать ничего кроме боли. Ничего кроме боли, ничего кроме боли, ничего...

– Солдат номер семь, приступай к выполнению приказа, – вновь командует мужчина в белой кепке с эмблемой корпорации, вперив в меня стальной взгляд.

Я мельком киваю, выбираясь из белоснежного фургона в открытое солнечное пространство. Как только дверь машины захлопывается – фургон моментально трогается с места. Я остаюсь одна в глухом прозрачном пространстве, оглядывая окружающие средневековые лондонские постройки.

Мне положено отыскать их базу. После подробного инструктажа я тщательно изучила биографии каждого инфицированного из группы. Если вдруг фотографическая память подведет меня, и я не признаю лица некоторых членов группы – мне по силам исследовать их привычки, поведение и повадки с полученными данными их анкет и мысленно сопоставить факты.

Но прежде всего, надобно помнить: они – простые инфицированные мятежники, противящиеся обязательному закону об оздоровлении. Они – повстанцы, угрожающие будущему идеального поколения. Однако у меня есть некоторые преимущества перед ними: они угроза – я спасение, они предатели оздоровления – я предана оздоровлению, их генофонд опасен для будущих поколений – мои гены идеальны для продолжения рода.

Они не знают обо мне ничего – я знаю о них все.

И моя основная задача состоит в том, чтобы уравнивать наш счет в пользу корпорации «Нью сентори» и, прежде всего, будущих поколений.

Слух мгновенно улавливает целенаправленное шипение за спиной, приближающееся с определенной траекторией скорости. Мгновение и оно уже раздается в области затылка. Медленно разворачиваюсь на пятках и обнаруживаю перед собой некую субстанцию – точную копию человеческой самки. Зрачки у особи какого-то блеклого, тусклого, безжизненного оттенка. Волосатость на теле практически отсутствует, если не брать во внимание тот факт, что на голове у нее покоятся мертвые, безжизненные волосы, которые с каждым дуновением ветра колышутся в разные стороны. Кожа окончательно потеряла свой цвет, нет, ее нельзя назвать просто бледной, она прозрачная. Я наблюдаю каждую вену на ее лбу, быстро бьющуюся в конвульсиях, каждую прозрачную гематому, превратившуюся из темно-синего в бледно-зеленый. Перевожу взгляд на потрескавшиеся, искусанные до крови губы, открывающие простор к покровенным желтоватого оттенка зубам или тому, что от них осталось.

Она больше похожа на ходячий труп, сбежавший из морга, чем на полноценную женщину.

– Кто ты? – слышу я собственный хриплый голос, продолжая рассматривать костлявое туловище несостоявшейся самки. Она все еще продолжает шипеть, внимательно рассматривая меня, и издавать другие подобные звуки, сопровождаемые отвратным запахом изо рта.

Один миг.

Один вздох.

Один выстрел.

И тощее тело мгновенно рушится на старинную каменную укладку, головой приземляясь на мой белоснежный кроссовок. Несколько секунд я внимательно всматриваюсь в труп, медленно освобождая ногу.

Можно ли убить того, кто и так уже мертв? Считается ли это убийством?

– Руки, – отчеканивает голос с легкой хрипотой позади, и спустя мгновение в затылок упирается твердый холодный ствол оружия.

Я продолжаю спокойно стоять на месте, выжидая немного времени, чтобы проанализировать поведение повстанца. Быть может, я стану его жертвой. Быть может, в таком случае кто-нибудь из «Торнадо» заметит меня и спасет из рук сумасшедшего убийцы. Быть может, именно этот человек поможет мне подойти ближе к моей цели, сам того не подозревая.

– Оглохла? – вновь раздается суровый голос позади. Его рука усерднее сжимает оружие, прикованное к моему затылку.

Мои руки несколько секунд парят в воздухе, сгибаясь в локтях, а его напряженный выдох заставляет меня развернуться. Повстанец немного выше, чем я предполагала: мой лоб находится наравне с его подбородком. Продолжая осматривать меня сомнительным взглядом, полным презрения, быстрыми движениями рук он начинает грубо ощупывать мой комбинезон на предмет оружия или других предметов, которые могут им послужить.

– Раздевайся, – вновь проговаривают его потрескавшиеся напряженные губы. Теперь оружие направлено в сторону моего лба.

Мне не приходится повторять дважды. Я не задаю лишних вопросов, как это сделал бы инфицированный человек. В этом и заключается их проблема – они задают слишком много глупых и бессмысленных вопросов. Моя рука направляется к потайному серому замку на груди белоснежного комбинезона с термо-контролем, пока его глаза задерживаются на серебряной эмблеме корпорации «Нью сентори». Моя кисть со схваченным замком опускается ниже живота, расстегивая часть комбинезона. Парень грубо хватает меня за запястье, останавливая ход, и я ощущаю теплое прикосновение в области пальцев.

– Достаточно, – без лишних эмоций проговаривает он, резко одергивая руку от моей кисти, словно прикоснулся к раскаленному железу. – Я убедился, что тебя не искусили.

Нет, я ошиблась. Я не стану использовать его, чтобы достигнуть цели.

Он и есть моя цель.

Глава 2

– Почему эта тварь не загрызла тебя? – с сомнением спрашивает повстанец, оглядывая меня с ног до головы.

Я наблюдаю, как напряженно вздымается его грудная клетка, а непроницаемый взгляд серых стеклянных глаз продолжает блуждать по моему белоснежному комбинезону. Темные волосы по бокам, на затылке и висках подстрижены немного короче, напоминая стрижку «канадку» и самые длинные пряди продолжают плавно колыхаться от прохладного лондонского ветра. Мой взгляд направляется в сторону его отличительного знака, тому, благодаря которому я осознала, что он моя цель – небольшая татуировка скорпиона на правой стороне шеи. И хотя он тщательно старается скрыть ее, намертво застолбив высокий воротник черной рубашки поло, я улавливаю большие остроконечные клешни.

Рон полностью облачен, по мнению «Нью сентори», в предательский черный цвет.

Цвет изменника. Цвет врага.

Взгляд блуждает по его черным байкерским перчаткам без пальцев, защищающие костяшки, плотному черному бронежилету, темным брюкам карго со спущенными подтяжками в V-образной форме и плавно опускается к старым пыльным берцам.

Диана была права.

Облачение настоящей машины для убийств.

– Такие сложные вопросы? – его бровь вопросительно изгибается, а дуло пистолета возле моего лба слегка дергается. Он заметно нервничает, его непроницаемый и равнодушный взгляд с некой тревогой скользит по моему лицу.

Это еще одна проблема инфицированных – они не в состоянии сохранять хладнокровие, им свойственно бояться.

Он боится меня.

– Почему она должна меня грызть? – без интонации в голосе проговариваю я.

Рука с оружием невольно вздрагивает. По его лицу на мгновение проскальзывает тень отчаяния с малой толикой боли, но в ту же секунду он пытается натянуть непроницаемую маску безразличия.

– С того, что эти твари насмерть загрызают любое живое существо, – произносит он бесцветным голосом.

– Невозможно, – говорю я. – Эти безобидные существа способны только издавать странные шипящие звуки, потому как...

Мои слова перебивают многочисленный свист пуль, пролетающих мимо нас. Некоторые из них рикошетят стены средневековых построек, и парень резко приседает на асфальт, хватая меня за руку и тянет вниз. Я падаю на каменную укладку улицы, заглатывая пыль, застревающую в горле.

– Рейдеры, – сквозь стиснутые зубы проговаривает он.

Его взгляд моментально направляется в мою сторону, отрываясь от наблюдения за людьми с оружием в руках.

– Твои дружки, – с презрением произносит повстанец, бросая беглый взгляд на серебряный треугольник, вышитый на моей груди. – Несколько раз в день по заданному маршруту они совершают очередной рейд, чтобы насильно запихнуть людей в белые фургоны и сделать из них таких же зомби, – он кивает в сторону особи, которую застрелил три минуты назад.

Я качаю головой.

– Исключено. Рейдеры ловят лишь инфицированных людей, которые противостоят процедуре оздоровления. Эти люди не причинят мне никакого вреда.

Он ухмыляется, искоса поглядывая в мою сторону.

– Поразительно, до какой степени они промыли тебе мозги, – несколько секунд он наблюдает за людьми в белых комбинезонах с термо-контролем, разгуливающих по улице с оружием в руках. – Как ты можешь так говорить, когда по тебе открыли огонь?!

– Очевидно, это какая-то ошибка, – недоумеваю я.

– Нормальные люди для них ошибка, – хмуро проговаривает он, хватая меня за локоть. – Нужно валить отсюда.

* * *

Несколько минут мы бежим по глухим лондонским улицам, страдающим от недостатка человеческого внимания. Я наблюдаю, как бесконечные разноцветные листовки парят по воздуху с очередным дуновением ветра; пустующие автомобили с распахнутыми дверьми наводят жуткую атмосферу; под ногами шуршат и трескаются грязные стекла и различные пластмассовые предметы.

Рон продолжает вести меня вперед, уверенно удерживая пистолет перед собой. Он больше не оглядывает меня странным, сомнительным взглядом, напротив, теперь он избегает любого контакта со мной.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, перешагивая через огромные грязные лужи.

Несколько минут он не реагирует на мой вопрос, продолжая с предельной осторожностью оглядывать впередилежащие улицы.

– Почему твои дружки не дали тебе оружие? – вдруг раздается его стеклянный, хрустящий как гравий голос. Он по-прежнему избегает моего взгляда, оставаясь во всеоружии. – Ты бессмертная?

– Отвечать вопросом на вопрос крайне невежливо, – говорю я, испепеляя взглядом его затылок с копной темных волос.

В один момент он внезапно разворачивается и одним движением руки мгновенно припечатывает меня к стене. Тело грубо сталкивается с твердой каменной укладкой, пока в его глазах я улавливаю искрящуюся ненависть, которая крепчает с каждым моим вдохом. Несколько секунд он странно изучает мою спокойную реакцию, вновь нацепляя на себя маску презрительного безразличия.

– Слушай сюда, – сквозь стиснутые зубы проговаривает Рон, – в этом мире больше не существует никаких правил, норм, законов и подобного дерьма. Больше не существует ничего, кроме разрушений, потерь и смерти, – он делает паузу, его серо-стеклянные глаза продолжают блуждать по моему лицу отчаянного безразличия. – Я задал вопрос, потому что мне нужны объяснения по этому поводу. Может, ты представляешь опасность для моих людей?

Я продолжаю ощущать на шее его теплые пальцы, осознавая одно – он не собирается меня душить, его единственная цель лишь запугать меня. Я не быюсь в конвульсиях, как инфицированная, не кричу во все горло и не дрожу от страха. Вместо этого устремляю на него непроницаемый взгляд, в котором невозможно прочесть ничего, кроме абсолютного спокойствия.

Я не чувствую ничего, кроме боли, ничего, кроме боли, ничего...

– Не знаю, что с тобой сделали эти лабораторные ублюдки, но я намерен выбить все это дерьмо из твоей головы, – Рон произносит это с такой презрительной интонацией, будто я виновна во всем, что происходит вокруг.

– Я здесь, чтобы не навредить людям, а спасти их, – произношу я, несколько раз моргая.

Он медленно отходит от меня, тяжело выдыхая в сторону.

– Почему я должен доверять тебе, когда ты стоишь передо мной в белом комбинезоне с этим чертовым треугольником, заполонившим весь город? – раздается его раздраженный голос. Через несколько секунд он разворачивается, устремляя на меня взгляд, в котором чита-

ется безысходность. – Может быть, эта долбаная корпорация зла забрала у меня все, что я имел, всех, кого считал близкими людьми?

– Тогда тебе нечего терять, – мгновенно отчеканиваю я. – Тебе следует пройти процедуру оздоровления и...

– Ты меня слышишь?! Они забрали все! – кричит Рон, направляя гневный взор светло-серых, практически полупрозрачных глаз в мою сторону. – Они забрали у меня все, понимаешь? – тихо повторяет он, спустя несколько секунд. – И ты считаешь, что я должен отдать им еще и свою жизнь?

Я хочу сказать нет, нет, нет, я не понимаю его.

И никогда не смогу понять его кипящих чувств и бурлящих эмоций.

Я не создана для того, чтобы чувствовать и воспроизводить на свет какие-либо эмоции. Меня запрограммировали лишь подчиняться, выполнять приказы и ничего более. Идеальный солдат без лишней сентиментальности и притупляющего чувства страха. Идеальный боец без бесполезных эмоций и боязни быть убитым ради идеи.

Я ведомый – не ведущий. И меня полностью устраивает такое расположение дел.

– Ты должен подумать о будущем поколения, – продолжаю я, твердо глядя ему в глаза. – Ты должен рискнуть всем, ради спасения своих будущих детей.

Он начинает смеяться, но этот смех сухой, холодный, совсем не похож на искренний. И я удивляюсь, что простой инфицированный, для которого целая жизнь состоит из одних только эмоций, может быть до такой степени черствым.

– Детей? – с презрением спрашивает он сквозь поддельный смех. – Какие дети? Оглянись вокруг, где ты видишь здесь светлое будущее? – он проводит пистолетом по воздуху. – Ты представляешь, как тут будут бегать счастливые детишки? Может быть, ты представляешь, как маленькие мальчики и девочки с неподдельной радостью спешат в школу? Как после того, как здесь мучили, загрызали и резали людей, может зародиться светлое будущее? – от отвращения его лицо искажается в странной гримасе. – Нас ждет дерьмовое будущее, потому что мы потеряли светлое прошлое. И только попробуй оспорить этот факт.

Где-то позади раздается отдаленное шипение, приближающееся с угрожающей скоростью. Рон реагирует быстро, с военной точностью направляя оружие в сторону врага. Между нами и непонятной серой субстанцией, издающей прерывистые шипения, всего несколько дюймов. Несколько секунд прицеливаясь в голову жертвы, парень хладнокровно жмет на курок, и спустя мгновение существо – больше похожее на труп мужчины, чем на человека в целом – рушится наземь, издавая последний хриплый вдох.

Может быть, я ошиблась. Может быть, эта хладнокровная машина для убийств вовсе не инфицированный. Может быть, он прошел какую-то другую процедуру оздоровления.

Но мне приходится тут же отогнать подобные мысли. Рон прошел самую страшную школу – школу выживания в беспощадной борьбе за собственную жизнь.

– Не нужно было его убивать, – тихо произношу я.

– А ты ждала, пока он меня сожрет? – с издевкой проговаривает он, резко хватая меня за локоть. – Валим отсюда, пока нас кто-нибудь не пристрелил.

* * *

Пройдя два квартала, мы сворачиваем на небольшой переулок, в котором находятся несколько зданий, по форме построения напоминающие научные центры, либо различные фабричные производства. Посреди улицы располагается огромный двухэтажный автобус, в основном покрытый ярко-красной краской и частично окрашенный в цвета британского флага. Быстрым шагом Рон подходит к бывшему общественному транспорту и несколько раз громко стучит в железную дверь автобуса.

– Какого черта, Рон? – доносится раздраженный мужской голос из автобуса. – Ненавижу тебя. Ты знаешь, что ты больной ублюдок?

– Не спи на посту, – раздается сухая усмешка Рона, когда он открывает двери двухэтажного «Рутмастера».

– Тебя не было три дня, где ты... – парень прерывается на полуслове. Одна нога спускается на асфальт, другая застывает на ступеньках автобуса.

Недоуменный взгляд карих глаз растерянно блуждает по моему лицу, телу, костюму, глазам. Несколько секунд его губы раскрываются, словно он хочет сказать что-либо, но через мгновение вновь плотно сжимаются, не в состоянии выговорить ни слова.

На нем свободно сидит черная кожаная куртка с поднятым вверх воротником, кисти рук плотно скрывают черные беспальцевые перчатки, точно такие же, как и у Рона, а темные вьющиеся волосы на голове образуют полный хаос.

Питер.

Это определено он.

– *Это* что? Как?.. – он задает вопрос, продолжая смотреть мне в глаза. Его недоуменный взгляд за считанные секунды превращается в хмурый. – Ты зачем ее сюда привел?

– А ты головой своей не подумал, что она может нам пригодиться? – раздраженно бросает Рон, хватая меня за локоть, чтобы направить вперед.

Бросаю последний взгляд на растерянного Питера, а затем наблюдаю, как нервно играют желваки на лице Рона. Он крепко сжимает челюсть, с каждым шагом ослабляя мертвую хватку.

Я продолжаю ровно дышать, осматривая здание бывшей библиотеки, куда ведет меня этот парень. Он открывает старинную деревянную дверь, окрашенную в бордовый цвет, где присутствуют места облупившейся краски. В лицо ударяет холодный поток воздуха, волосы цвета молочного шоколада слегка перемещаются в сторону, перекрывая взор. Короткий звон колокольчика, висящий над дверью, оповещает о нашем визите всех посетителей здания.

В светлом помещении прохладно и глухо, даже несмотря на то что практически каждый фут обставлен различными шкафами для книг и другой подобной мебелью. Я осматриваю книжные полки, обнаруживая, что библиотека практически пуста. На напольной плитке продолжают обитать одинокие экземпляры, предавая окружающему пространству жуткую атмосферу. Из глубины здания раздается детский плач, прерываемый чьим-то бормотанием. Рон ускоряет шаг и, продолжая удерживать мой локоть, направляется прямо по глухому коридору.

– Боже, наконец-то ты вернулся! – восклицает девушка лет восемнадцати, возникшая из ниоткуда. Она живо бросается на парня, обхватывая его шею тонкими ручонками. Ее светлые волосы, достигающие талии, равномерно расплываются по спине. – Мы уже с ума сходим. Она постоянно плачет без тебя, нервничает, и мы уже не знаем...

– Ханна... – тихо произносит Рон и неловко прокашливается, словно опасаясь прикоснуться к девушке, бросившейся к нему на шею.

Ханна недоуменно отрывает взгляд от парня, слегка отстраняясь. Наконец, ее глаза цвета свежескошенной травы находят мои, и через мгновение ее лицо искажается в странной гримасе боли и страха. Невольно она отстраняется назад, спиной натываясь на светло-голубую стену. Ее грудная клетка продолжает томно вздыматься, пока Рон не касается ее плеча.

– Скажи, что это неправда, – шепчет она, с опаской глядя в мою сторону.

– Это не то, что ты думаешь, – спокойно начинает парень, – она не представляет угрозы.

– Да?! – ее голос болезненно срывается. – А ее комбинезон говорит об обратном! Какого черта ты привел ее сюда? Теперь корпорация знает, где мы находимся!

– Ханна, успокойся, – он кладет обе руки на ее плечи, глядя ей в упор. – Она может помочь нам, – последние слова он произносит почти неслышно.

– Тогда давай пригласим сюда всех муз?! – кричит она, и ее растерянный голос вперемешку со страхом эхом раздается по всему коридору.

– Заткнись, – сквозь зубы шипит Рон, на секунду прикладывая ладонь ко рту девушки.

В проеме арки возникает фигура маленькой девочки лет восьми. На ней свободно висят небольшое белое платьице без рукавов, достигающее колен, и черные облегающие брюки. Несколько секунд она недоуменно оглядывает то, как Рон зажимает рот Ханне, прижимая девушку к стене.

– Рон! – радостно восклицает она, подбегая к парню. С каждым шагом ее белокурые косички подпрыгивают в разные стороны. – Я ждала тебя!

Парень мгновенно отрывается от Ханны, приседая на уровне девочки.

– Эй, любовь моя, – с легкой улыбкой проговаривает он, крепко обнимая девочку.

– А я знала, что ты не бросишь меня, – тонким голосочком произносит она, взъерошивая ему волосы, и сквозь тусклый свет флуоресцентных ламп на ее щеке я обнаруживаю едва заметный розовый шрам.

– Кэти, расскажи своему брату, что здесь происходило, пока он прохладился на улице, – сердито бросает Ханна, переплетая руки на груди. – Может быть, в следующий раз он подумает, прежде чем сбегать, – она окидывает парня недовольным взглядом и исчезает в проеме белых деревянных дверей.

– Что-то случилось? – на мгновение Рон хмурит лоб, обращаясь к сестре.

– Просто Белла постоянно плачет, почти не спит и не идет ни к кому на руки после того, как ты ушел! – удивленно восклицает девочка, вскидывая руки. – Даже ко мне, представляешь?

Его губы растягиваются в усталой улыбке.

– Сейчас мы это исправим, – тихо произносит он. – Ты ведь помнишь Еву?

Кэти с неподдельным интересом наконец принимается полноценно оглядывать меня. На мгновение ее лоб покрывается сосредоточенными морщинками, а глаза остаются непроницаемыми, словно девочка погружается в воспоминания.

– Да, – говорит она, продолжая смотреть мне в глаза. – Я рада, что ты наконец-то нашел ее!

Она меня знает? Все те люди, которых я сегодня встретила, знают меня?

Нет, конечно же, нет. Они знают Еву Финч, но ее больше не существует. Есть только солдат номер семь и точка.

Номер семь, номер семь... солдат номер семь.

Девочка протягивает мне руку, вероятно, ожидая с моей стороны какого-то действия.

– Будем знакомы снова, – она берет мою ладонь и вкладывает в свою руку, пожимая ее, – меня зовут Кэти, а этот сумасшедший громила мой брат...

– Ну, все, думаю, на сегодня достаточно, – равнодушно прерывает Рон, разбивая наше рукопожатие. – Нам пора к остальным, я надеюсь, ты хорошо представишь ее перед всеми?

Кэти несколько раз оживленно кивает, расплываясь в широкой улыбке.

* * *

Брат и сестра ведут меня в сторону огромных белоснежных дверей с потрескавшейся краской. Кэти медленно открывает одну из них, и по всему залу раздается протяжный скрип. Детское хныканье продолжает звенеть в ушах, сопровождаемое женским шепотом.

В помещение захожу последней. Несколько изумленных и растерянных пар глаз мгновенно устремляются в нашу сторону. Нет, не так. Все эти люди недоуменно уставились лишь на меня, продолжая испуганно осматривать мой белоснежный комбинезон, эмблему корпорации, но в особенности – мое лицо.

Парень в черной футболке, стоящий возле панорамного окна, резко хватается за пистолет, упакованный в черную кожаную кобуру. Женщина, сидящая в кресле-качалке, крепче прижимает годовалого малыша к груди, мальчик лет десяти в темно-синей кепке и красной засти-

ранной футболке с изображением «Человека-паука», медленно направляется в сторону парня с оружием в руках. Ханна, как ни в чем не бывало, продолжает копаться в рюкзаке, всем видом показывая, что ее абсолютно не интересует вся разворачивающаяся ситуация.

Маленькая Кэти осторожно берет меня за руку, медленно подводя к женщине с ребенком в руках.

– Вы помните Еву? – громко говорит она, оглядывая всех окружающих. Ее тоненький голосок еще некоторое время застревает в глухих стенах, отзвываясь громким эхом.

– Кэти, убери от нее руки, – раздается мрачный голос парня у окна, он угрожающе быстро достает пистолет из кобуры, нацеливаясь в мою голову.

– Сэм, полегче, – спокойно произносит Рон, вскидывая руки.

– Я же сказала, никакого оружия в присутствии детей! – сердито восклицает женщина. Светлые крашенные пряди ее легким дуновением ветра мгновенно смещаются на глаза, перекрывая взор темно-карих глаз.

– Да ты взгляни на нее! – нервно проговаривает Сэм, удерживая оружие в правой руке.

– Сэм, убери пушку, – повторяет Рон, медленно приближаясь к напарнику.

– На хрен ты ее сюда притащил?! – Сэм коротко кивает в мою сторону, его глаза нервно бегают от меня к Рону.

– Ева не опасна! – восклицает Кэти, подбегая к парню с оружием. Она осторожно цепляется за его свободную руку, пытаясь успокоить его. – Она хорошая муза.

На лице Сэма появляется презрительная усмешка. В его глазах цвета свежескошенной травы играют опасные искорки, дающие понять, что с этим парнем лучше играть в одной команде.

– Принцесса, не бывает добрых муз, – нарочито ласково проговаривает он, бросая короткий взгляд на девочку. – Либо плохая муза, либо мертвая муза.

– А может быть, это правда и Ева хорошая муза? – тихо проговаривает мальчик, глядя на Сэма, который продолжает удерживать пистолет, дуло которого направлено в мою сторону. – Она не рычит и не набрасывается на нас.

– А ты хочешь это проверить? – ухмыляется парень и рука с оружием на секунду вздрагивает. – Может быть, она еще и стихотворение наизусть нам расскажет? А? Как тебе такая идея? – он устремляет гневный взгляд в мою сторону, сохраняя презрительную ухмылку на лице. – Давай, расскажи нам сказку о том, как тебя зовут, откуда ты пришла и когда у тебя в планах убить нас.

Вот оно, ирония, сарказм, гнев и решительность в одном лице.

Меня предупреждали об этом явлении. Меня предупреждали о том, что, возможно, я многого не пойму из сленга инфицированных, что они будут давить на меня и пытаться манипулировать. Меня предупреждали и о том, что они будут угрожать мне оружием, при этом, не имея намерений выстрелить или того хуже, убить меня. Меня предупреждали, что зараженные очень противоречивы в своих действиях, мыслях и поступках.

И именно это убивает инфицированных. Именно это делает их уязвимыми.

– Ну, и о чем я говорил? – торжественно заявляет Сэм, убирая пушку в кобуру. – Рон, мы не знаем, что с ней сделали в этой чертовой корпорации зла. Да, она не изменилась внешне, но...

Я вдыхаю прохладный воздух, заполняя легкие кислородом.

– Меня зовут солдат номер семь, и я намерена спасти ваши организмы от вашего прошлого, чтобы открыть идеальное будущее, – заявляю я, наблюдая, как Рон и Сэм замирают на месте, направляя недоуменные взгляды в мою сторону.

– Если это ты так пошутила, то юмор у тебя не очень, – через несколько секунд хладно произносит Сэм.

– Ты нас типа завербовать хочешь? – удивляется Рон, вопросительно изгибая бровь.

– Моя основная задача состоит в том, чтобы на добровольных началах доставить вас в научный центр корпорации «Нью сентори», – отчеканиваю я.

– Мне больше нравилось, когда ты молчала, – ухмыляется Сэм, направляясь к двери, и через несколько секунд по всему помещению раздается тошнотворный дверной скрип.

Ребенок на руках женщины нервно ерзает, начиная капризничать. Она всеми силами пытается утихомирить его, нашептывая на ушко ласковые слова. Некоторое время все присутствующие наблюдают за этой странной картиной, и Рон решает взять инициативу в свои руки, в буквальном смысле. Он аккуратно берет малышку, улыбаясь ей самой искренней улыбкой, на которую только способен, и на его щеках тут же появляются две едва заметные ямочки. Спустя несколько секунд малышка затихает, с интересом рассматривая его улыбку.

– Мы полчаса назад покормили ее, но она все никак не может успокоиться, – со вздохом произносит женщина, вставая с кресла. Секунду она озабоченно потирает лоб, рассматривая большую тряпичную сумку с детскими вещами. – Наверное, тебя ждала.

– Нет, она ждала не меня, – проговаривает Рон, наблюдая за моей реакцией.

Вероятно, он смотрит на меня, потому что я должна что-то сказать.

Оглядываю всех присутствующих. Взгляд падает на Кэти, которая, с нескрываемым ожиданием смотрит на меня, ожидая ответа. Ее серые, полупрозрачные глаза, такие же, как и у брата, искрятся от предвкушения. Женщина со светлыми волосами и возрастными морщинами на лице направляет недоуменный взгляд больших карих глаз в мою сторону. Ханна, все это время не подающая виду, что ей вообще интересна вся эта ситуация, с интересом поднимает два изумруда, наблюдая за происходящим.

Я продолжаю осматривать небольшое помещение. Комната с двух противоположных сторон усыпана сплошными панорамными окнами, открывающими вид на внутренний дворик огромного здания и на гигантское шоссе, усеянное большим количеством пустующих машин. Внутреннее убранство комнаты гораздо скромнее: несколько небольших светлых шкафчиков с книгами, пару кресел и огромный овальный стол цвета горчицы, на котором располагаются бесконечное количество дорожных сумок. Очевидно, это помещение использовалось в качестве читального зала или же для проведения различных психологических тренингов.

– Это твоя дочь? – спрашиваю я, глядя ему в упор.

Несколько секунд он продолжает глупо улыбаться, смотря на меня так, будто я спросила нечто несурзное, нечто бестолковое, нечто очевидное. Я продолжаю осматривать его странные едва заметные ямочки на щеках причудливой формы.

– Не смотри на меня так, солдат номер семь, – усмехается он. – Это твоя младшая сестра.

– Исключено, – бесцветным голосом произношу я, продолжая оглядывать всех присутствующих. – У Евы Финч не имеется братьев и сестер.

– Это тебе в корпорации зла сказали? – усмехается Ханна, вальяжно усаживаясь на одно из кресел.

Рон проделывает несколько уверенных шагов в мою сторону, удерживая малышку на руках. Он подходит слишком близко, достаточно близко, чтобы я уловила прерывистое дыхание девочки. На меня смотрит парочка синих заплаканных глаз, а маленькие пухлые ручки продолжают тянуться ко мне, с интересом ощупывая комбинезон.

– Возьми ее, – тихо проговаривает он. – Она ждала именно тебя. Ты единственный родной человек для нее.

Я продолжаю стоять, намертво пригвожденная к кафельному полу.

Но зачем мне это? В мои обязанности не входит общение с детьми. Я имею полное право отказаться от предложения, развернуться и пойти прочь, ожидая, когда группа «Торнадо» полностью созреет для оздоровления.

Но то странное чувство, медленно зарождающееся внутри, заставляет меня протянуть руки вперед и принять ребенка. У малышки Беллы на лице созревает искренняя детская

улыбка, ее пухлые ручки продолжают изучать мой белоснежный костюм, с интересом трогают волосы и ощупывают мое лицо. То чувство, медленно разливающееся, разрастающееся в груди, заставляет меня ощущать страх. А страх – один из симптомов зараженного, один из признаков того, что твой организм инфицирован.

Я должна подавить, задушить, убить это новое чувство.

Слух улавливает короткое шипение и через мгновение левую руку парализует удушающий, колющий разряд. Я ощущаю, как каждая мышца руки накаляется до предела, словно ее медленно натягивают на остроконечный предмет и старательно пытаются разрезать, разорвать, уничтожить. Я изо всех сил пытаюсь удержать ребенка на руках, стискивая зубы, и Рон ловко перехватывает Беллу, с опаской глядя мне в глаза.

– Что происходит? – спрашивает он, отдавая кому-то ребенка.

Перед глазами все плывет. Время от времени появляются огромные, блестящие искры, ослепляющие сознание. Я падаю на колени и мгновенно хватаюсь за левую руку. Ощущаю нервную пульсацию в области серебряного браслета. Ощущаю, как все пять пальцев сводит неведомая и парализующая сила. Ощущаю, как кто-то пытается дотронуться до меня, но я с силой отталкиваю всех, кто посмеет ко мне прикоснуться.

В голове раздается чей-то крик, вперемешку с бормотанием, визгом и отчаянным нервным голосом, тонущем в боли. Я ничего не вижу, я ничего не ощущаю. Я – бесконечная серая субстанция, питающая маленькими вздохами. Я – маленький огонек, опасно сверкнувший в холодных, серо-прозрачных глазах. Я растворяюсь в затхлом, кислом воздухе, ощущая лишь чьи-то руки, вовремя подхватывающие меня на лету.

Глава 3

Кто-то резко дергает меня за плечо, я содрогаюсь от парализующего страха.

В голове пронесется бешеный голос, постепенно срывающийся на крик. Я встаю с ледяного мокрого асфальта, руками утопая в холодной, мерзкой луже.

«Беги, беги, беги!» – непрерывно раздается в моей голове. Но тело отказывается подчиняться мыслям. С огромным трудом делаю пару шагов вперед, и только спустя несколько секунд мои несчастные шаги превращаются в бег.

Перед взором появляется девочка с белокурыми косичками, ее волосы резво подпрыгивают через каждый шаг. Она постоянно оборачивается, пытаюсь достучаться до моего сознания. Ее губы что-то произносят, говорят, кричат, и через мгновение я осознаю, чей голос раздается в моей голове. Это она предупредила меня об опасности, это ее грубый толчок вернул меня к опасному ощущению реальности.

Ее прозрачные бешеные глаза приводят меня в ужас. С каждой секундой я осознаю, что происходит что-то ужасное, нечто невыносимое, парализующее одной только мыслью. Она хватается мою влажную, грязную от лужи ладонь, с опаской оглядываясь назад снова и снова. Из ее губ вырывается ужасающий крик, из глаз градом катятся слезы отчаяния, а сквозь тусклый свет уличных фонарей на ее щеке я улавливаю кровавый след погони – ярко-красную ссадину, сверкающую заворачивающим блеском при мертвом свете ночи.

«Нет, нет, нет!» – ее парализующий визг эхом раздается по всему периметру.

Мне не хватает духу оглянуться назад. Страх полностью сковывает тело, сознание, рассудок.

У меня сводит лодыжки, в горле разрастается бушующий пожар, в груди практически не остается кислорода. Организм отчаянно пытается хватать ртом воздух, но его всегда не хватает, его постоянно мало, остается совсем немного.

За одно мгновение в сознании проносятся тысячи пугающих, неутешительных, парализующих мыслей, а я продолжаю считать миллионные удары сердца...

Кто-то резко зажимает мой рот, другой рукой грубо стискивает плечо, и в этот момент я ощущаю резкий и болезненный укол в области предплечья. С каждым вдохом я теряю чувствительность ног, они медленно подкашиваются, и через мгновение меня охватывает тьма с гостеприимными распростертыми объятиями.

* * *

Я подрываюсь с места.

Глаза встречаются с мертвой темнотой, окутывающей небольшое пространство комнаты. Я терпеливо жду, пока зрительные рецепторы полноценно адаптируются к темноте, и на ощупь пытаюсь встать со странной конструкции, чем-то схожей со спальным мешком. Левая рука продолжает пульсировать, и на ощупь я осознаю, что область возле серебряного браслета покрыта округлыми болезненными волдырями, немного возвышающимися над поверхностью кожи.

Браслет обезвредил меня током.

Несколько раз провожу ладонью по левой руке и обнаруживаю, что все тело полностью облачено в странную одежду: брюки черного покрова плотно облегают ноги, на теле светлый вязаный пуловер, одно плечо которого слегка спадает, едва оголяя ключицу, на ногах по-прежнему покоятся белоснежные кроссовки с термо-контролем, специально предназначенные для непредвиденных погодных условий.

Я делаю первый шаг в густую темноту, с одной только мыслью в сознании – отыскать комбинезон. Провожу рукой по прохладной бетонной стене, на ощупь пытаюсь найти дверь, которая послужит мне спасительным кругом в бездонном океане мрака.

Секунда.

Две.

Три.

И пальцы ощущают холодный металл дверной ручки. Медленно и аккуратно я тяну дверь на себя, ощущая, как в лицо ударяет поток прохладного воздуха. Несколько секунд пряди волос совершают сальто в воздухе и вновь покорно укладываются на плечи.

Коридор помещения тускло освещается флуоресцентными лампами, ежесекундно мигающими в пространстве, но мне вполне достаточно этого бледного освещения, чтобы благополучно добраться до конца длинного коридора и отворить старую деревянную дверь.

Меня встречает помещение, чем-то схожее с кухней. Кругом металлические полки, наполненные разнообразной посудой, несколько видов деревянных шкафчиков, три небольших плиты и два огромных холодильника. В помещении раздается монотонный звук работающей техники, и слух мгновенно улавливает короткий щелчок, раздающийся сзади.

Я действую решительно.

Именно так, как нас учили в корпорации. Так, как поступил бы любой солдат на моем месте.

Резко разворачиваясь, обрушиваю все силы на противника, плотно припечатывая его к стене. Замечая едва сверкнувший металл в его руке, хватаю запястье с оружием, резко разворачивая в сторону, и мгновенно тяну на себя. Секунда и пистолет покоится в моей руке, крепко прижатый ко лбу противника. Он медленно поднимает руки, сгибая их в локтях, и благодаря тусклому уличному освещению я рассматриваю «армейскую» стрижку с выбритыми висками противника и опасный проблеск в его черных глазах.

Но не успеваю я сделать и шагу, как получаю резкий удар в область печени. Благодаря чертовому удару тело становится уязвимым, а дыхание прерывистым, и я крепко сжимаю челюсть, стараясь перетерпеть боль. Кто-то позади пытается обезвредить руки, обожженная кожа от браслета мгновенно отзывается острой болью, но некоторое время я стойко сопротивляюсь: произвожу сильный удар рукояткой отобранного пистолета в челюсть второму противнику, находящемуся позади. Спустя несколько секунд оружие выпадает из моих рук и с характерным звуком приземляется на светлый кафель.

Но второй противник не дремлет. Одним движением руки локтевым сгибом он резко обхватывает мою шею, крепко стискивая. Несколько секунд пытаюсь выбраться из искусственных оков, но оставляю эту затею и обеими ладонями хватаюсь за руку противника, которая продолжает покоиться на моей шее. Мысленно набираясь сил, я отталкиваясь от пола, производя ногами несколько ударов в другого противника.

Некоторое время продолжаю слепо наносить яростные удары в воздух. Ноги несколько раз приземляются об мягкую поверхность, и спустя мгновение руки оказываются обезвреженными какой-то пластмассовой веревкой, а рот зажат крупной ладонью, которая отдает железом и горьким табачным дымом.

Очевидно, я повстречала остальных членов группы «Торнадо». И стоит признать, знакомство у нас получилось не из приятных.

– Какого черта? – недоуменно спрашивает рыжеволосый парень, одной рукой вытирая капли багровой жидкости возле уголка губ. – Ты откуда такая буйная?

– Надо было сразу же ее пристрелить на хрен, – с раздражением проговаривает парень позади, продолжая удерживать мой рот.

Наконец, я перестаю сопротивляться.

– Погоди-ка, Роберт, – с интригой в голосе произносит парень с рыжими волосами, включая свет в помещении. Несколько секунд он с непривычки щурится. – Финч, ты что ли?

Я продолжаю молчать, направляя твердый взгляд в изумрудные глаза рыжеволосого парня. Цвет его волос странно влияет на мое сознание. Возможно, я бы даже назвала это чувство удивлением или изумлением. Нет, его волосы не ядерного морковного оттенка, как это бывает у ирландцев. Они скорее имеют бронзовый, медный характер.

Практически рыжий, вот как называется этот цвет.

– Да какая разница, кто это? – сердитым голосом проговаривает мой надзиратель. – Валить ее надо, пока не поздно.

– Почему ты не визжишь, как раньше? – удивляется рыжеволосый. – Почему не плачешь, не молишь о пощаде?

Я продолжаю осматривать его губы, на уголках которых до сих пор покоится алая кровь, а когда он улыбается ядовитой улыбкой, его белоснежные зубы превращаются в отголоски кровавых следов.

Надзиратель осторожно убирает потную руку с моего рта, и через мгновение я оказываюсь пригвожденная к ледяному холодильнику, направляя взор в дуло пистолета. Я размышляю, может все-таки стоит предупредить всех членов группы, что шутки с оружием на меня не действуют, как морально, так и физически.

– Говори, что с тобой не так, Финч? – грубо проговаривает рыжеволосый, и на его лбу тут же скапливаются хмурые морщинки.

Я хочу сказать, что меня зовут номер семь, номер семь.

Меня зовут солдат номер семь.

Но какая-то неведомая сила затыкает мой рот, заставляя помалкивать.

– Не хочешь отвечать? – ухмыляется он, приближаясь ко мне. – Может быть, ты хочешь, чтобы мы заставили тебя говорить?

Замахиваясь, он с силой ударяет меня по лицу. Несколько секунд щека продолжает нервно пульсировать, и я крепко сжимаю челюсть, опуская взгляд в пол. Руки, связанные сзади, начинают болеть от неудобной позы и саднящего ожога, а сознание пытается продумать четкий план побега.

– У тебя не появилось желания выдавить из себя хоть слово? – он смеется. Его гадкий смех эхом отдается в чертогах разума. – Как жаль уродовать такое милое личико.

Я резко зажмуриваюсь и спустя мгновение вновь получаю сильную оплеуху. Щеку резко пронизывает острая боль, дыхание становится прерывистым, я не в силах устоять на ногах.

И самое ужасное – я не чувствую абсолютно ничего. У меня не зарождается желания отомстить, я не ощущаю гнева, ярости и адской злости по поводу того, что меня только что с силой связали, наставили пистолет и несколько раз дали пощечину.

Я не чувствую абсолютно ничего, кроме боли.

Наверное, это и есть главный принцип оздоровления. Наверное, именно этого долгие столетия добивались священнослужители – лишить человека жажды мести и передать все в руки Бога.

Открывая глаза, я улавливаю все тот же ствол пистолета и разгневанный взгляд рыжеволосого парня, который продолжает глядеть на меня, ожидая хоть какой-нибудь реакции.

– Может быть, скажешь уже что-нибудь? – хмурится он, рассматривая мое лицо, и я ощущаю, как обе мои щеки буквально начинают гореть синим пламенем. – Пока я не сломал твой прекрасный носик...

Его правая рука вновь взлетает,махиваясь в мою сторону, и я опускаю взгляд в надежде, что все это когда-нибудь закончится.

Но ничего не происходит.

Мне кажется, будто я потеряла зрение, слух, обоняние, чувствительность, потому как больше ничего не ощущаю. Мое сознание находится в полной невесомости от всего происходящего.

– Еще раз направишь пистолет в ее сторону, я тебе его знаешь куда засуну... – неожиданно раздается суровый голос Рона.

Поднимая голову, я обнаруживаю, как он обезвреживает руку рыжеволосого парня, который секунду назад замахивался в мою сторону, намереваясь вновь дать пощечину или того хуже.

– Да ты посмотри на нее! – возмущается рыжий, освобождаясь из хватки Рона. – Она без пяти минут муза и скоро всех нас сожрет!

– Тебя сожрет первым, если уж на то пойдет, – сердито бросает Рон, грубыми движениями развязывая мои руки.

– Ты хоть понимаешь, что ты творишь? – кричит рыжеволосый. – Ты даже не знаешь, что они с ней сделали!

Наблюдаю, как Роберт убирает пистолет в кобуру, сверкая черными глазами в мою сторону. Я сразу обращаю внимание на его бритую голову, охранникам в корпорации «Нью сен-тори» частенько сбывают волосы.

Рон тянет меня за собой, уводя прочь из этой до предела накаленной атмосферы. Я не сопротивляюсь. Несколько минут мы бродим по бесконечным темным коридорам здания. Он продолжает крепко удерживать мой локоть, стараясь избежать встречи с моими глазами. Спустя какое-то время мы выходим на улицу, и я жадно поглощаю свежий утренний воздух. Он ведет меня к двухэтажному ярко-красному автобусу, продолжая удерживать мою руку, пока дверь автобуса не захлопывается. Парень усаживается на водительское сиденье, а меня сажает в соседнее.

Некоторое время он не выговаривает ни слова, молча устремляя взгляд в лобовое стекло.

– Что ты им наговорила? – хмуро спрашивает он, продолжая смотреть вдаль. Этот вопрос несколько минут застывает в его глазах, прежде чем он проговаривает его вслух.

– Ничего.

Он удивленно приподнимает брови, одной рукой упираясь об огромный руль, другой облокачиваясь об открытое автобусное окно.

– Тебе лучше держаться от них подальше, – через какой-то промежуток времени заключает Рон. – Они должны привыкнуть к твоему... к тебе, – на последнем слове он запинаясь. – Они хорошие ребята, но, когда дело касается муз... то есть, тех зомбаков, которые пытаются сожрать нас – они звереют, – парень делает паузу, продолжая глядеть в лобовое стекло. – Они остынут, это я тебе гарантирую. Может быть, даже извинятся перед тобой. Я надеюсь, ты их... простишь, ты ведь тоже их отдубасила как-никак.

– Мне все равно, – произношу я, оглядывая улицу перед собой.

– То есть, на тебя напали два здоровых парня, связали тебе руки, угрожали пистолетом, били по лицу, а тебе... плевать? – удивляется он.

– Да, мне совершенно все равно, – отчеканиваю я. – Все это лишь небольшие последствия моей миссии.

– Миссии... – повторяет он, будто пробуя новое слово на вкус.

– Где мой комбинезон? – спрашиваю я без единой интонации в голосе. – Для выполнения задания мне нужен мой комбинезон.

– Что они сделали с Евой? – задает встречный вопрос Рон.

Он желает сменить тему, посредством игнорирования моих вопросов. Типичная тактика зараженного – отвечать вопросом на вопрос.

– Мне нужен комбинезон, – повторяю я, не желая отступать назад.

– Согласен, глупый вопрос. Когда мы узнали, что рейдеры забрали Еву – сразу же мысленно похоронили ее, – спокойно проговаривает повстанец, запуская руку в волосы. Этот жест с легкостью выдает волнение инфицированного. – Я искал ее в каждой попавшейся музе, прежде чем застрелить их, но никак не мог предположить, что они вернут ее... то есть, тебя в наш сектор.

– Где мой комбинезон? – вновь задаю вопрос я.

– То есть, следуя их логике, увидев тебя живую, мы убедимся, что корпорация зла не лжет, и с чистой совестью отправимся на оздоровление? С их стороны глупо полагать, что мы так просто сдадимся, не считаешь?

– Я хочу знать, где находится мой комбинезон, – упорно повторяю я, направляя взгляд в его сторону.

Уголок его губ слегка приподнимается вверх, затем лицо вновь приобретает непоколебимую стальную решимость. Моя реакция явно забавляет его.

– Тебя действительно не раздражает, что я игнорирую тебя? – спрашивает он, прозрачно-серые глаза с неподдельным интересом направлены в мою сторону. Впервые за последние несколько часов.

Он явно ставит эксперименты надо мной.

Нет, совсем не так. Он ставит эксперименты над обновленной Евой Финч, которая, безусловно, пугает и настораживает его и, скорее всего, он пытается изучить меня.

Но этому не бывать, потому как я не позволю никому из группировки приблизиться ко мне.

– Нет, я просто хочу знать...

– Я уничтожил его, – невозмутимо сообщает он, вновь устремляя взгляд вдаль.

– Хорошо, – отчеканиваю я, открывая дверь автобуса. – Я немедленно пойду в научный центр корпорации, уверена, они выдадут мне еще один.

– Стой! – восклицает он. – Сядь на место.

Я замираю, наблюдая, как Рон несколько раз проводит рукой по волосам, его взгляд оживленно блуждает по улице – первые признаки нервного состояния. Первые признаки инфицированного человека.

– Так будет безопаснее, понимаешь? – признается он тихим голосом. – Белый цвет слишком выделяется, это открытая мишень для рейдеров. На тебе одежда Евы... это единственное, что она успела забрать из дома.

Не знаю, чем спровоцирован мой поступок, но я усаживаюсь обратно вместо того, чтобы пойти в корпорацию и потребовать новый комбинезон. Ведь он защищает от любых непредвиденных погодных условий и действительно поможет мне выполнить...

– Ты ведь запрограммирована говорить только правду, верно? – неожиданно раздается его голос, прерывающий мои мысли.

– Нет никаких причин лгать, – сообщаю я. – Мне попросту это не нужно.

– Ну, конечно, – с усмешкой произносит он, поджимая губы. – Тогда ответь мне на вопрос, мне действительно нужно знать это.

– Ева Финч прошла процедуру санации на добровольных началах три недели назад, – сообщаю я, поправляя выбившуюся прядь волос.

– Бред, – ухмыляется Рон. – Ева никогда бы не пошла на это добровольно. Она просто попала в рейдерскую облаву, но в любом случае боролась до конца... – он делает паузу, устало проводя рукой по лицу. – Я хочу знать, почему ее не превратили в ходячий труп, но при этом лишили памяти и чувств.

– При процедуре санации стирается память о прошлой жизни человека, чтобы он превратился в идеального воина без чувств и излишних эмоций, мешающих выполнять свои миссии, – поясняю я.

– Но какого хрена тогда все эти музы, бродящие по улицам не... – он вновь делает паузу, громко выдыхая. – Корпорация вновь что-то замышляет?

– Мы всего лишь солдаты оздоровления, мы не имеем право обсуждать или анализировать свои приказы, – констатирую я.

– Они действительно думают, что мы просто так сдадимся? Неужели к каждой группе сопротивления они присоединяют человека, который ранее входил в их число? – он вопросительно вскидывает бровь. – Сколько вас таких, сходящих с ума и разбивающихся в лепешку, выполняя приказы?

– Об этом мне неизвестно, – говорю я. – В мою задачу входит лишь одно – уговорить вас пройти процедуру оздоровления, не более.

– И все? – ухмыляется Рон. – Ни применения силы, ни угроз?

– Люди сами должны осознать, как им необходимо оздоровление.

– Бред какой-то, – с ухмылкой произносит он, отворачиваясь в сторону. – Ты вспоминаешь хоть что-нибудь из прошлой жизни? Какие-нибудь отрывки, определенные моменты?

– Возможно, – я проваливаюсь в воспоминания, – может быть, я даже и не осознаю это, но вот уже две недели мне снятся странные сны, в которых существует другая версия меня – с чувствами, эмоциями. Я, которая умеет бояться.

– ... И что это за сны? – спрашивает Рон, с интересом подаваясь вперед.

– Это всегда один и тот же сон с разным началом, но одинаковым концом, – вспоминаю я. – Я убегаю от нечто ужасного, от одной мысли *об этом* все мое тело сковывает, а руки бросает в дрожь. Это всегда одно и то же место – старый безлюдный перекресток с лужами. Впереди бежит какая-то девочка, все время повторяющая одно и то же слово, затем кто-то касается моего плеча, и на этом моменте я всегда просыпаюсь.

– ...Кэти? – недоуменно спрашивает Рон. – Та девочка Кэти?

– Я не знаю...

– Так значит не все потеряно? – на его лице мелькает легкая улыбка, а в глазах загорается слабый огонек надежды. – Кэти мне рассказала точно такую же историю о том, как рейдеры силой захватили Еву три недели назад. Если ты помнишь хоть что-то, увиденное глазами Евы, то значит ли это, что мы сможем вернуть вас к прежней жизни? Всех вас, которых превратили в бессмертные машины?!

Нет, нет и еще раз нет.

Мне прекрасно известно, что Ева Финч *добровольно* прошла процедуру санации три недели назад. То, о чем он сейчас говорит, никак не может быть правдой.

Некоторое время я молчу, пытаюсь разложить по полочкам полученную информацию. Я не вправе обсуждать свой приказ, мне не позволено это действие. Я более чем уверена, что именно сейчас корпорация жадно впитывает каждое сказанное мной слово.

И я гадаю, когда левую руку пронзит очередной удар тока.

Но, не смотря на все, я должна продолжать выполнять свою миссию. Я должна вывести новый поток информации.

– Почему вы называете тех особей музами? – интересуюсь я, чувствуя, как мышцы левой руки начинают напрягаться. Водяные волдыри на руке все еще дают о себе знать.

– Официальное название вируса – Клио, а согласно древнегреческой мифологии Клио – муза истории, – отстраненно сообщает Рон.

Несколько секунд он с интересом продолжает осматривать мое лицо, наверняка осознавая, что перед ним та самая девушка, которую он знал раньше, но которая не помнит ни его, ни всю группу повстанцев в целом. Конечно, я понимаю, что всем этим людям трудно отделаться от мысли, что Евы Финч больше нет, но я всеми способами буду стараться доказывать им этот факт.

В какой-то момент лицо Рона меняется, глаза подозрительно сужаются, губы намертво складываются в тонкую плотную линию. На лицо все признаки напряжения.

– Какую функцию выполняет этот браслет? – он медленно и осторожно кивает на мою левую руку.

Нет, он не должен был задавать этот вопрос.

Он на все сто процентов уверен в том, что я ничего не скрою, что наверняка расскажу правду. Но что, если, услышав правду, повстанцы отрекутся от меня? Что, если на этом моя миссия закончится, так и не начавшись? Я провалю свою первое и единственное задание, порученное мне свыше.

Он хочет этого.

Он добивается этого.

Но ничего подобного не произойдет, за исключением моей смерти.

– Отслеживает мои координаты, – спокойно проговариваю я, заглядывая вглубь улицы.

– Правда? Разве он создан не для того, чтобы контролировать тебя с помощью тока? – он резко хватая меня за руку, засучивает рукав белоснежного полувера, и обнажает многочисленные ожоги, скопившиеся вокруг небольшого серебряного браслета.

Несколько секунд я ощущаю горячее прикосновение его руки и спустя мгновение жгучую боль, исходящую от водяных волдырей.

– Они не обязаны отчитываться передо мной по поводу своей методики контроля, – хладно говорю я, продолжая наблюдать за следом, оставшимся от моего непослушания.

– До вируса их бы за такое засудили. Ты вообще имеешь представление о том, что ты и те несколько солдат – настоящие рабы?

– Но ты сам мне сказал, что никакие правила и законы здесь больше не действуют, так что это уже не имеет никакого значения, – без лишних эмоций проговариваю я, осторожно отцепляясь от его руки.

Он странно смотрит на меня, словно пытается подавить внутренний гнев. Я наблюдаю, как нервно играют желваки на его лице, а глаза подозрительно сощуриваются. Очевидно, он борется с бушующими эмоциями, пытаясь подавить их, задушить, уничтожить...

По всему автобусу раздается громкий стук, отчего я резко подрываюсь с места. Рон мгновенно реагирует на произошедшее и молниеносно кладет ладонь на кобуру, направляя взор к источнику звука.

– Там Белла... – раздается запыхавшийся голос Питера. – У нее жар, она постоянно плачет, и мы не знаем...

– Какие версии? – оживленно спрашивает Рон, выходя из автобуса. – Инфекция, вирус, простуда?

– Все симптомы ведут к инфекции, – констатирует Питер, пытаясь восстановить дыхание. – У нее рвота и...

– У нас остались жаропонижающее или антибиотики, в конце концов? – задает вопрос Рон, направляясь в здание. – Нужно максимально отгородить ее от большинства.

Я не спеша следую за парнями, цепляясь за одну единственную мысль – всегда держаться возле вожака стаи. Слух вновь улавливает знакомый звон колокольчика, который незамедлительно оповещает о нашем прибытии.

– Все запасы исчерпаны, нужно снова отправляться на вылазку, – проговаривает Питер, перешагивая через небольшой томик «Унесенные ветром».

Внутри здания продолжает раздаваться душераздирающий детский плач. Рон раздраженно выдыхает и с раздражением отталкивает стул, стоящий на его пути.

– Этого еще не хватало... – бормочет он, резко распахивая небольшую деревянную дверь с белой облупившейся краской.

Входя в небольшой читальный зал, он аккуратно берет малышку на руки, одной рукой придерживая головку, другой туловище, и бережно прикасается губами к ее лбу.

Я улавливаю недовольные взгляды Сэма и того рыжеволосого парня, имя которого мне еще не удалось узнать, но подозреваю, что его зовут Джеймс. Сэм угрюмо складывает руки на груди, всем своим видом показывая, что не рад моему присутствию. Сонная Кэти со слабой улыбкой на лице едва заметно машет мне маленькой бледной ладошкой. Рыжеволосый парень облокачивается об стол и, подозрительно сощуривая глаза, пристально продолжает изучать каждое мое движение. Я всем нутром ощущаю, как его изучающий взгляд медленно сканирует мое тело.

– У нее высокая температура, – тихо констатирует Рон, передавая малышку в руки к женщине. – Значит так, Сэм и я немедленно выходим на вылазку. Питер, ты остаешься на посту. Грейс, постарайся отгородить Беллу от остальных, в особенности от Кэти и Тони. Ханна, проверь всех на наличие симптомов, возможно, корпорация зла вновь изобрела какой-нибудь истребляющий вирус, либо инфекцию. Джеймс, – он обращается к рыжеволосому парню, – проверь все наши запасы на наличие каких-нибудь лекарств и постарайся отыскать оставшиеся маски для Грейс, Тони и Кэти.

Несколько человек послушно кивают и мгновенно следуют выполнять поручения. Взволнованно закусывая губу, Ханна медленным шагом подходит к Рону, который начинает второпях собирать рюкзак для очередной вылазки в опустошенный город.

– Я хочу пойти с тобой, – тихо проговаривает она, осторожно хватаясь за край его футболки. – Может, лучше Ева будет осматривать всех? Я не хочу этого делать.

Рон испускает раздраженный выдох, продолжая складывать вещи в рюкзак, и только спустя некоторое время бросает гневный взгляд в ее сторону.

– Ханна, скажи, пожалуйста, когда в последний раз я спрашивал того, чего хочешь ты? – сквозь зубы проговаривает он, наблюдая, как девушка невинно хлопает глазками. – А когда в последний раз я угождал своим желаниям?

– Но что тогда будет делать она? – растерянно спрашивает девушка, глядя парню в упор.

– Я пойду с вами, – подаю голос я, улавливая на себе странные взгляды ребят.

Ведь я продолжаю выполнять приказ, порученный мне свыше – всегда быть рядом с вожаком стаи.

Несколько мгновений парень глядит на меня в упор, обдумывая мои слова.

– Собирайся, – лишь изрекает он, вновь приступая к сбору вещей.

– Что? – удивляется Ханна, возмущенно вскидывая руки в стороны. – Значит ей можно, а мне нельзя?

Некоторое время Рон не обращает внимания на присутствие разгневанной девушки и только лишь тогда, когда походный рюкзак полностью готов к очередной вылазке и крепко закрыт на несколько молний, парень закидывает его на плечо и некоторое время усталым взглядом смотрит в глаза Ханна, полные ярости.

– Детка, тебя что-то не устраивает? – тихо проговаривает он. – В чем проблема? Дверь там.

Ханна возмущенно надувает губы, обиженно складывает руки на груди и, одаривая меня фирменным испепеляющим взглядом, полным ненависти, быстрым шагом выходит из помещения.

– Сэм, ты готов? – Рон обращается к приятелю.

По всему залу раздается громкий звук закрывающейся молнии и спустя мгновение Сэм натягивает рюкзак с камуфляжной расцветкой на спину.

– Теперь да. Она идет с нами? – произносит он с отвращением, кивая в мою сторону.

– Да, и это не обсуждается, – бесцветным голосом проговаривает Рон, направляясь в сторону двери.

– Только имей в виду, – тихо обращается Сэм, угрожающе медленно подходя ко мне; я продолжаю смотреть в его непроглядные глаза цвета свежескошенной травы, – хоть одна малейшая угроза жизни с твоей стороны – я пристрелю тебя как чертову псину.

Глава 4

Рон крепко запирает ворота, бросая последний взгляд на двухэтажный автобус, размалеванный цветами британского флага.

– Я одно не могу понять, зачем она нам здесь? – с раздражением спрашивает Сэм, обращившись на меня.

Я продолжаю осматривать одежду Сэма, она практически идентична одеянию Рона: брюки карго камуфляжного оттенка, заправленные в черные берцы, и простая однотонная футболка цвета хаки. Глядя на этих ребят, сперва можно подумать, что они явно готовились к жизни в таких непростых условиях.

– Она может нам пригодиться, – через некоторое время бесцветным голосом отвечает Рон.

– Ну, а как она выживет без оружия? – вновь спрашивает Сэм, поправляя кобуру пистолета.

Рон задерживает на мне отстраненный взгляд, но через мгновение резко отводит его в противоположную сторону. Он все еще опасается взглянуть мне в глаза.

– Она и есть наше оружие, – невозмутимо сообщает Рон.

Сэм удивленно приподнимает брови, но всего лишь на миг. Через мгновение его лицо вновь принимает невозмутимый вид.

А я в это время вспоминаю, что мне не стоит забывать и про таинственного хакера, который орудует в группировке. Его разоблачение и есть основная часть моего приказа. Но подробно разглядев и изучив всех членов группы, я не отыскала человека, который более или менее подходил бы под эту непростую роль.

Но, тем не менее, я выполню этот приказ любой ценой.

– Куда мы идем? – подаю голос я, оглядывая опустошенные лондонские постройки.

Но мой вопрос остается без ответа.

После того, как мы покинули старую библиотеку, проходит больше часа. Я продолжаю молча следовать за парнями, перешагивая через многочисленные препятствия в виде огромных черных луж, убитых и приросших к земле муз, или то, что от них осталось, и прочих отходов жизнедеятельности человека.

Еще задолго до *эпидемии*.

Оглядываясь вокруг, я наблюдаю перед собой многочисленные разбитые витрины небольших магазинчиков, разбросанных по округе манекенов с разорванной в клочья одеждой, груды стекла под ногами и бесконечные разноцветные листовки с навязчивой рекламой, парящие по воздуху и пригвождённые к сырому асфальту.

Парни всю дорогу молчат, будто боясь произнести лишнего слова в моем присутствии. По дороге они хладнокровно расстреливают пару-тройку муз, будто проделывали это сотни тысяч раз. А в моей голове проносится странная мысль: убивали ли они людей? И если им все же придется это сделать – они направят дуло пистолета в сторону себе подобного с таким же невозмутимым хладнокровием, как проделывают это с ходячими трупами?

– Сюда, – раздаётся холодный голос Рона спустя полчаса наших скитаний по пустому городу.

Он заворачивает за угол очередной улицы и с поднятым оружием осторожно проходит в небольшое помещение с белоснежной вывеской и весьма оригинальным названием «Аптека+». Под тяжестью нашего веса трещат осколки витринного стекла, а в воздухе ощущается вполне ожидаемый запах трав, вперемишку с лекарствами.

Убедившись, что в помещении пусто – парни принимаются быстро рассматривать ампулы с прозрачным содержимым, шприцы и банки с брэнчащими таблетками, кидая нужные лекарства в рюкзаки.

Я продолжаю стоять возле входа, не думаю, что им нужна моя помощь. Под ногами трескаются остатки битого стекла, разбросанные пакеты с логотипами аптеки и куча неизвестных мне препаратов, вперемешку с разлитой липкой жидкостью посреди помещения.

Улавливая едва заметное шарканье шагов позади – я действую молниеносно.

Мне нет нужды проверять, кто за моей спиной: безликий разлагающийся зомби, один из тысячи разгуливающих по городу, или же инфицированный, противящийся оздоровлению. Руки молниеносно хватаются за деревянную полку, сбрасывая с нее остатки содержимого в виде разноцветных брошюр о вреде курения, и направляются в сторону неожиданного противника.

Мужчина в черной косухе, явно не ожидая подобного с моей стороны, ловко перехватывает деревянную полку, со злостью отбрасывая ее в очередную грязную лужу. Полет моего несостоявшегося орудия сопровождается отборными ругательствами со стороны нападающих мужчин, и я не успеваю сделать и шагу, как один из них грубо припечатывает меня к холодному кафельному полу аптеки. Щеку мгновенно пронизывает резкая боль от свежего пореза, а осколки аптечной витрины еще некоторое время продолжают хрустеть под весом моей щеки.

Не самое приятное приземление.

Вокруг начинается какая-то суматоха. Парни реагируют быстро, слух улавливает падающие из рук рюкзаки и щелчки затворов, но противники побеждают своим численным преимуществом. Краем глаза наблюдаю, как они молниеносно набрасываются на Рона и Сэма, смачно припечатывая их к аптечным стеллажам, и пистолеты парней тут же летят вниз, приземляясь об холодный кафель.

– Какого хрена, Боб? – раздается приглушенный голос Сэма. Его руки с силой продолжают удерживать парочка крепких парней в косухах и многолетними татуировками на шее и запястьях.

– Сэмми? Рон? – раздается удивленный голос мужчины с лысой головой. – Парни, простите, не признал вас без бейсболка.

Боб, продолжая беззаботно удерживать руки в карманах брюк, делает едва заметный кивок головой и мужчины, которые еще пару секунд назад слыли для меня врагами, тут же отпускают Рона и Сэма, а затем очередь доходит и до меня. Я быстро поднимаюсь на ноги и морщусь от боли, разглядывая область вчерашнего ожога от браслета: водяные волдыри мгновенно полопались припадении, продолжая неприятно пощипывать.

– Если бы не быстрая реакция Евы... – с легкой насмешкой произносит Боб, с интересом поглядывая в мою сторону. – С каких это пор ты нападаешь на людей?

– Она просто перенервничала, – тут же отзывается Рон, не давая мне ни единого шанса на ответ.

Мужчина с лысиной продолжает отстраненно улыбаться, пристально разглядывая меня с ног до головы подозрительным взглядом. Пару секунд он задумчиво почесывает седую трехдневную щетину, бросая взгляд карих глаз на мой серебряный браслет.

– Что вы забыли здесь? – спрашивает он, наконец, отводя от меня взгляд. – Случилось что?

– У Иззи температура, – отстраненно сообщает Рон и, поднимая оружие с пола, упаковывает его в кобуру. – Мы искали жаропонижающее.

– Какие версии, сынок? – с интересом задает вопрос Боб, лениво оглядывая помещение. – Ты же знаешь, в наше время любой симптом воспринимается как никогда остро...

– Думаю, это просто зубы, – предполагает Рон, застегивая молнию камуфляжного рюкзака. – Она капризничает из-за них уже неделю.

Мужчина в возрасте плотно поджимает губы, расплываясь в легкой улыбке в ответ на слова парня. Через пару мгновений он едва заметно кивает в сторону двери и несколько мужчин в черных банданах и косухах без лишних вопросов молниеносно покидают помещение, оставаясь ждать главаря на улице.

Глядя на их непроницаемые лица, отстраненный взгляд и стремление беспрекословно выполнять приказы главного – в голове зреет вопрос: а точно ли они инфицированные?

– Как же быстро летит время... – со вздохом сожаления произносит Боб. – А ведь скоро малышке Иззи стукнет год. Кстати, с каких это пор вы ходите на вылазки с Евой? Я думал, вы и вдвоем неплохо справляетесь...

– Меня зовут...

– Ева решила понабраться опыта в рукопашном бою, – тут же перебивает меня Рон, метая в мою сторону напряженные взгляды. – Никто не знает, сколько пройдет времени, прежде чем все это закончится.

– И получается у нее весьма неплохо, – подмечает мужчина в косухе, кивая словам парня. – Ты молодец, Ева, никогда не поздно чему-то научиться, особенно женщине. И ты чертовски права, корпорация выпустила новый проект буквально на днях. Вчера в нашем секторе мы отыскали пропавшего сына Бреда. И самое странное знаете что? У него были чертовски стеклянные глаза и ноль эмоций, как у робота. Эти лабораторные ублюдки сделали с ним что-то, из-за чего он не помнит даже собственного отца, не говоря уже о всех нас.

– И где он сейчас? – с опаской задает вопрос Сэм, вопросительно изгибая бровь. Его руки напряженно поправляют черную лямку от рюкзака.

– Там, где и должен быть любой лабораторный выродок, – спокойно сообщает Боб. – В земле с пулей в башке.

Рон и Сэм едва заметно обмениваются хмурыми взглядами, но затем натягивают все те же непроницаемые лица.

– Да ладно, парни, что с вашими лицами? – смеется Боб, оглядывая ребят. – Где ваше бодрое настроение?

– Там же, где и твои волосы, – лениво ухмыляется Рон, застегивая рюкзак. – В прошлой жизни.

По всему помещению раздается раскатистый смех Боба, мужчина некоторое время продолжает широко улыбаться, поглаживая лысину, а Сэм подавляет глухой смешок в ответ на слова друга.

– Вот такими вы мне нравитесь больше. Ладно, ребятки, нам пора, – мужчина вскидывает руку в прощальном жесте. – Имейте в виду, мы отыскали супермаркет с приличным запасом нетронутой еды в этом районе. И держитесь подальше от этой чертовой корпорации зла, никто не знает, что от них ожидать завтра...

Некоторое время мы наблюдаем, как очередная банда противников оздоровления с косухами и черными банданами на голове, не спеша покидает улицу. Взгляд Рона напряженно скользит по моему лицу, желваки на его челюсти нервно играют, а я продолжаю глядеть на него непроницаемым взглядом.

– Чертовы бейсболки, мы опять забыли про них... – бубнит он, громко выдыхая воздух.

Я искренне не понимаю, о каких бейсболках идет речь, но мой вопрос о них сейчас не сыграет никакой роли. Поэтому я набираю воздух в легкие и раскрываю губы, чтобы задать вопрос, который на данный момент интересует меня больше всего.

– Почему ты не сказал ему, что я...

– Заткнись, – процеживает он сквозь зубы, проходя мимо меня на улицу. Его плечо на долю секунды грубо задевает мою руку, отчего приходится сохранять равновесие, чтобы не свалиться.

– Только попробуй проговориться кому-то еще, – тут же шипит Сэм, выходя вслед за другом. – Пристрелю и глазом не моргну.

Я выхожу из аптеки или того, что от нее осталось, вслед за участниками группы, едва поспевая за широкими мужскими шагами.

Очевидно, по какой-то причине они не хотят, чтобы другие мародеры знали о том, что у них в группе есть человек, побывавший в руках корпорации «Нью Сентори». Вот только почему? Неужели среди повстанцев репутация у корпорации настолько низка, что им противен любой представитель оздоровления? Даже тот, который в прошлом был в их рядах?

Вопрос, на который я намерена ответить в ближайшие дни.

– Это был чей-то отец? – я разрушаю тишину, обходя гигантскую дверь от внедорожника, перекрывающую половину дороги. Разбитая об осколки стекла, раненая щека продолжает неприятно саднить и пощипывать.

Но мой вопрос вновь встречается с угрюмым, напряженным молчанием со стороны парней. Когда-нибудь они обязательно будут отвечать на каждый мой вопрос. Я буду тщательно работать над этим. Ведь, в конце концов, я намерена доказать, что корпорация никому не желает зла и у нее лишь одна единственная цель – оздоровление оставшихся инфицированных людей для полного устранения вируса Клио.

– На хрена она нужна нам? – спустя какое-то время раздается недовольный голос Сэма, когда мы проводим в дороге уже около часа. – Она будет только подставлять нас. Если эти лабораторные убудки знают наше временное пристанище, значит могут прийти к нам в любой момент и накрыть.

– Они не сделают этого, – твердо заявляю я, уверенная в своих словах.

Слух улавливает отдаленное шипение, равномерно увеличивающееся в масштабах. Рон и Сэм с непроницаемыми лицами тут же хватаются за оружие, мысленно готовясь к нашествию очередных прогуливающих по городу муз.

Вот только никто не предполагал, что их окажется не три, не шесть и даже не десять. Гуляющая толпа, состоящая из трупов мужчин и женщин в разодранных и грязных одеждах, больше похожих на сбежавших из морга мертвецов, планомерно стекается из разных уголков улиц. Как только они распознают запах свежей крови – им словно сносит крышу. Мужчины и женщины, а также совсем еще юные мальчики и девочки молниеносно срываются и быстрым шагом направляются в нашу сторону.

Вокруг раздаются оглушительные выстрелы и бесконечный свист пуль. На мгновение мне кажется, что этот звук не прекратится ни на минуту, и я непроизвольно прикрываю уши руками, чтобы не сойти с ума. С каждым выстрелом падает тело за телом, на время преграждая путь остальным музам, но запах свежей крови предают им какой-то особой, мощной энергии, поэтому они быстро преодолевают препятствие в виде своих сородичей по вкусовым пристрастиям.

Я стою посреди улицы, продолжая наблюдать, как Рон и Сэм отчаянно борются за жизнь, отстреливаясь от неугомонных зомби, но, судя по продолжительной схватке – меньше их от этого не становится. Через какое-то время мы оказываемся окружены слоями разлагающихся мертвецов. Некоторые из них еще продолжают нервно биться в конвульсиях с горящими от жажды глазами с желтыми склерами, покрытыми красными капиллярами.

– Сэм, слева! – раздается предупреждающий крик Рона, который продолжает отчаянно отбиваться от кровожадных зомби.

– Иди на хрен, трупак! – гневно выкрикивает Сэм, ударяя ногой в голову разлагающегося мужчину. – И ты туда же!..

На лбу зомби буквально за считанные секунды слезает кожа от резкого удара парня, обнажая всю его мертвую плоть. Я наблюдаю, как на месте удара отваливается кусок кожи вместе с несколькими белыми личинками, они нервно извиваются из стороны в сторону своими крохот-

ными телами. Но этот пинок обезвредил несостоявшуюся мужскую особь на время и кажется, что он лишь разозлил его, придавая сил для новых свершений.

– Чертовы зомбаки! – кричит Сэм, яростно отбиваясь от разлагающихся трупов со смердящим запахом. – Они заканчиваются вообще?!..

В этот момент я замечаю, как один из мертвецов резко цепляется за массивный рюкзак Рона, утягивая его за собой, пока парень ликвидирует близстоящих муз. Он начинает медленно пятиться назад, продолжая отбиваться от ходячих трупов, и я действую инстинктивно. Одним махом ноги отталкиваю мертвеца от парня, что дает ему шанс шагнуть ближе ко мне и Сэму.

Теперь мы оказываемся прижатыми плечом к плечу друг к другу. Парни продолжают стрелять в близстоящих трупов и отбиваться от них ногами. А я стою и гадаю, что будет, когда у них закончатся патроны? Они же не вечные... хотя, судя по снабжению группы, я не удивлюсь, если у них хватит оружия еще на пару-тройку лет.

Погодите-ка, а откуда у них столько оружия? Этот вопрос залетает в копилку других моих вопросов, на которые я намереваюсь ответить в ближайшее время.

Но прямо сейчас у меня есть одно единственное преимущество перед повстанцами – я совершенно не интересую зомби, в отличие от инфицированных. Я не понимаю, чем обусловлен этот факт, но и разбираться в этом прямо сейчас я не намерена. Факт остается фактом – музы словно не замечают моего присутствия. В их мертвых стеклянных глазах отображается лишь животное желание напасть на инфицированного и загрызть его до смерти.

Но для чего? Быть может, это своего рода биологическое оружие для землян. Быть может, таким образом зомби очищают планету от инфицированных, уязвимых людей с тысячами страхов и бесполезных потребностей? Но как бы то ни было – корпорации «Нью сентори» удалось разработать вакцину от изголодавшихся мертвецов, жаждущих познать плоть инфицированного, которую они прозвали санацией. И я искренне не понимаю позицию противников оздоровления. Неужели они считают, что так будет продолжаться вечно?..

Нет, это не может продолжаться вечно.

Я оглядываю парней: их лица по-прежнему напряженные и непроницаемые, брови сосредоточенно сходятся на переносице, а яростные атаки в сторону мертвецов уже не такие пылкие, какими были в самом зарождении битвы. Они устали, и эта усталость считывается в каждом их движении.

Именно поэтому я шагаю вперед и нападаю на первого попавшегося мертвеца, припечатывая его к влажному после дождя асфальту. Слизкое тело мужчины не сопротивляется, а исходящий от него смердящий запах мгновенно ударяет в нос, заставляя дышать через рот, только чтобы не ощутить его вновь.

Я трясую его за плечи и пытаюсь ухватить за склизкую голову. Первые попытки не увенчаются успехом: желтая кожа мгновенно слзлит под моими руками, в ладонях остается липкий вонючий слой разложившегося эпидермиса, а на его шее открывается нелицеприятная картина из вываливающихся личинок мух. Я тут же хватаю его за плечи, покрытые плотной одеждой, пытаюсь избавиться от противной кожи и назойливого запаха.

Он направляет на меня непроницаемый отстраненный взгляд тусклых карих глаз в сочетании с желтыми склерами, покрытым ярко-красными капиллярами. Я тут же встаю и одним движением ноги с силой наступаю на его голову. Мой кроссовок некоторое время скользит по его полуразложившейся коже, по консистенции больше похожей на сырой яичный белок, и в этот момент он нервно дергается. Наступаю на его голову много раз, прежде чем один из его желтых склеров вместе со зрачком не стекает на асфальт, превращаясь в лужу. Останавливаюсь лишь тогда, когда мертвец перестает двигаться, замирая в неестественной позе со сломанным черепом или тем, что от него осталось.

Возможно, для неподготовленного инфицированного человека эта картина вызвала бы произвольную рвоту, отвращение и напряжение, но только не для солдат «Нью сентори». Не

зря в нас заложили хладнокровие, стрессоустойчивость и трезвый ум, не поддающийся влияниям страха и боли.

Сбиваюсь со счета, скольких муз я раздавила и прибила железной трубой, внезапно попавшей мне на глаза. Дыхание сбивается, горло пересыхает, и я продолжаю жадно хватать воздух, хладнокровно расправляясь с мертвецами, окружающими парней.

В какой-то момент взгляд цепляется за девушку в облиии ходячего трупа, которая подступает к Сэму со спины, с каждым приближающимся шагом пытаюсь ухватиться за его футболку. На ее голове вместо шикарной копны длинных темных волос покоятся разбросанные колтуны, соседствующие с большими залысинами, которые открывают пространство к шевелящимся личинкам, поедающим остатки ее плоти.

– Сэм, сзади! – отчаянно кричит Рон, отбиваясь от тучного мужчины со смердящим запахом.

Парень резко разворачивается на предупреждение друга и натывается на изголодавшуюся девушку, которая намеревается накинуться на него. Он испуганно пятится назад, и я тут же хватаю музу за испачканное белоснежное платье. Ткань мгновенно трещит, издавая характерные звуки, и в моих руках остается кусок ткани от ее юбки. Муза предстает перед нами с оголенными ягодицами, по-прежнему намереваясь напасть на Сэма, но моя хватка за ее одежду и резкий толчок назад выигрывают для него время.

Парень осторожно делает пару шагов назад, и я тут же набрасываюсь на девушку, смачно приземляя ее на жесткий асфальт. Холодная железная труба в руках начинает выполнять свое временное предназначение, кромсая голову девушки за считанные секунды. Я настолько увлечена процессом, что даже не замечаю долгожданную тишину, образующуюся вокруг. Больше нет никаких прерывистых шипений, выстрелов и отборного мата, лишь мои усердные стоны, сопровождаемые уничтожением муз.

– Она уже мертва, – констатирует Рон, пытаюсь восстановить сбитое дыхание.

Рука застывает в воздухе, когда я замахваюсь на свою жертву в очередной раз. Мгновение, и я вслушиваюсь в непривычную тишину, пытаюсь заново познакомиться с ней. Холодная железная труба летит вниз, звонко приземляясь на асфальт, и я медленно отхожу назад, пятками натываясь на другую застреленную музу.

Глаза находят недоуменные взгляды парней, которые уже некоторое время с напряженными лицами наблюдают за мной со стороны. Их одежда с некоторыми участками кожи заляпана брызгами бордовой, практически черной кровью мертвецов. Они все еще продолжают стоять посреди гор трупов, восстанавливая сбитое дыхание.

– Теперь ты понимаешь, почему она нам может пригодиться? – прочищая горло проговаривает Рон, не сводя с меня глаз.

Глава 5

– То, что ты помогла нам избавиться от нашествия муз – еще ничего не значит, – хладно проговаривает Сэм, когда мы ступаем в коридор знакомой библиотеки. – Даже и не надейся на снисходительное отношение, не дождешься.

– Сэм, без агрессии, – отчеканивает Рон, открывая дверь в главный холл. – Она на нее не действует.

– О, боже, наконец-то! – взволнованно восклицает Ханна, тут же бросаясь на шею Рону. Тот вяло убирает от себя ее тонкие руки и снимает массивный рюкзак со спины. – Почему так долго?!

– Вот значит как? – ухмыляется Сэм, возмущенно вскидывая руки. – Значит о Роне ты беспокоилась больше, чем о родном брате?

Ханна подходит к парню и по-детски выпячивает язык.

– Мы забрали все жаропонижающее, которое было в аптеке, – невозмутимо сообщает Рон, не обращая внимание на усмешки друга. Некоторое время парень выкладывает на стол все запасы из рюкзака. – Захватил еще три упаковки молочной смеси, через два месяца у них истекает срок годности.

– Хорошо, – с уставшей улыбкой на лице произносит женщина средних лет – Грейс. – Иззи только недавно уснула. Тони и Кэти изолированы в отдельной комнате.

Рон коротко кивает, заканчивая раскладывать припасы на длинном столе, стоящим посреди комнаты.

– Героев сегодня кто-нибудь будет кормить или нет? – усмехаясь, спрашивает Сэм, обращаясь к женщинам.

– Вот, держи, герой, – говорит Ханна, протягивая брату прозрачную детскую бутылочку с соской. – Белла как раз недопила.

– Ну, спасибо родная, – сухо смеется парень, надменно улыбаясь. – Ты такая заботливая, что даже и забыла про мою аллергию на лактозу.

Блондинка поправляет длинные волосы и театрально мило улыбается брату, но секунду спустя ее взгляд цвета свежескошенной травы доходит до меня. Улыбка тут же сползает с ее точеного лица, а светлые брови вопросительно взлетают вверх.

– Что с твоей щекой? – с отвращением произносит она.

Я инстинктивно касаюсь раненой щеки и испытываю пронзительный укол боли.

– Всего лишь познакомилась с Бобом, – отстраненно отвечает Рон, слегка пожимая плечами.

– Чего?! – протягивает Ханна. – Как он ее не пристрелил?

– Он не заметил, – раздается убедительный голос Сэма. – Или сделал вид, что не заметил. В их группе тоже пропал человек несколько недель назад и вернулся, не похожим на себя. Как думаете, совпадение?

Несколько пар глаз на долю секунды с подозрением направляются в мою сторону, а я продолжаю молча стоять посреди холла, не понимая, как реагировать на подобное.

– Хватит трепаться, нам пора смыть с себя кровь этих тварей и поесть нормально, – бесцветным голосом произносит Рон, выходя из помещения. – Грейс, обработай рану Финч... то есть, номер семь...

Последние его слова доносятся до нас вместе с эхом и приглушенными шагами. По крайней мере, теперь их главарь называет меня по имени, согласно протоколу корпорации «Нью-сентори», и этот факт определенно должен меня радовать.

Моя первая маленькая победа.

– И без выкрутасов, – добавляет Сэм и, бросая на меня подозрительный взгляд, покидает помещение вслед за другом.

Грейс тут же встает со стула и направляется в сторону прозрачной пластмассовой коробки с медицинскими принадлежностями.

– Не думаю, что тебе нужна помощь, – ухмыляется Ханна, вальяжно переплетая руки на груди. – И так заживет.

– Ханна! – тут же одергивает ее Грейс со светлыми крашеными волосами практически желтого цвета, корни ее на пару дюймов имеют темный оттенок. Женщина направляет на меня неуверенный взгляд и, наконец, решительно шагает в мою сторону с большим куском ваты и прозрачной бутылочкой в руках. – Может быть немного больно.

Она осторожно прикладывает холодную смоченную вату к ране, от чего я резко стискиваю зубы, стараясь мужественно перетерпеть пронзительную боль. Мой отрешенный взгляд продолжает бесцельно скользить по помещению, пока не натывается на презрительную усмешку Ханны. Она демонстративно закатывает глаза с явным раздражением и покидает холл, громко хлопая дверью.

– Не обращай на нее внимания, – тихо проговаривает Грейс, продолжая аккуратно обрабатывать места пореза. – Девочке только недавно стукнуло восемнадцать, она рано потеряла родителей из-за эпидемии, да и жить продолжительное время в такой нагнетающей обстановке... когда каждый день просыпаешься и гадаешь, выживешь ты сегодня или нет... для незрелой детской психики воспринимается очень остро.

Я смотрю в ее карие глаза с теплым, дружелюбным отливом, и в этот момент на ее устах появляется слабая, едва уловимая улыбка. Лишь на кончике губ. Женщина завершает процесс обработки путем наложения нескольких тоненьких пластырей, едва прикрывающих мои порезы, и всего на мгновение опускает взгляд, словно ожидая с моей стороны какой-то реакции и, не дожидаясь ее, тут же молча отходит обратно к аптечке.

– Ты, наверное, со вчерашнего дня ничего не ела? – невзначай спрашивает она, по-прежнему продолжая находиться ко мне спиной. Моего ответа не следует, но похоже, она и не ждала его, когда захотела задать подобный вопрос. – Тебе стоит подкрепиться, помнишь где у нас столовая?

Я мысленно киваю, но лицо по-прежнему не выражает никаких эмоций.

Быть может, эта женщина хотела поговорить со мной лишь из вежливости. Быть может, она просто выполняла приказ их главаря? Быть может, она действительно хотела мне помочь?

Но у меня нет времени на обмен бесполезными любезностями с участниками группы. На них у меня совершенно другие планы.

Молча выходя из холла, некоторое время шагаю по длинному коридору с голубыми стенами и, наконец, натываюсь на знакомую металлическую дверь. Заходя вовнутрь, на меня обрушивается бесконечный гул бытовой техники, залихватский смех и негромкие мужские разговоры.

Интересно, откуда в этом здании электричество? Неужели повстанцы каким-то образом раздобыли новейший дизельный генератор, не прекращающий свою работу ни на секунды, угрожая перерасти в бесконечность?

Делаю первый шаг в сторону ребят, шумно уплетающих скромные порции еды, в основном, состоящей из различного рода консервов, кучи сытных шоколадных батончиков с арахисом и бутилированной воды. При моем появлении они тут же замолкают, пуская хмурые взгляды, граничащие с ненавистью. И только Рон громко выдыхает, продолжая не сводить прозрачно-серых глаз с металлического столика с так называемой едой.

– О, детка, я приготовил местечко для тебя, – с торжественной улыбкой заявляет Джеймс, его изумрудные глаза с вызовом направляются в мою сторону, пока он похлопывает рукой по рядом стоящему деревянному стулу.

Ханна с довольной улыбкой на лице стреляет в меня любопытным взглядом, продолжая уплетать баночки с детским консервированным питанием темно-зеленого цвета.

Делаю уверенный шаг вперед в сторону рыжеволосого парня, собираясь садиться на предложенный им стул, но в один момент мое тело с грохотом летит вниз, а в воздухе раздается звонкий, оглушающий смех присутствующих. Джеймс убрал стул настолько быстро и незаметно, что я попросту не успела среагировать и вовремя ухватиться за стол, чтобы не свалиться на пол.

– Сэм, подменишь меня на крыше после полуночи. Всем спокойной ночи, – сухо произносит Рон, громко отодвигая стул. Его невозмутимый взгляд игнорирует раскатистый смех собравшихся, а приглушенные шаги еще некоторое время продолжают раздаваться в сознании.

– Да ладно тебе, Рон, – усмехаясь, отвечает Сэм, глядя в сторону уходящего друга.

Я с непроницаемым выражением лица быстро поднимаюсь на ноги, с силой отбираю стул у Джеймса и спокойно усаживаюсь под ухмылку парня. По левую руку от меня Ханна продолжает бренчать металлической крохотной ложкой об стеклянную баночку с детским питанием. Замечая, что я глазею на нее некоторое время, она вопросительно вскидывает брови, кивая в мою сторону.

– Что? Это вкусно, – ухмыляется она, запихивая в рот последнюю ложку густого пюре зеленоватого оттенка.

– Для таких травоядных животных, как ты, конечно, вкусно, – усмехается Сэм, направляясь к двери.

– Иди к черту, Сэмми! – вопит она в ответ, выбегая вслед за братом, предварительно захватив с собой шоколадный батончик.

В помещении остаются только Питер и Джеймс, а Роберт, очевидно, остался сторожить вход библиотеки в двухэтажном автобусе. Питер не прекращает пускать на меня хмурые молчаливые взгляды, а Джеймс резко привстает со стула, угрожающе медленно наклоняясь в мою сторону. В нос мгновенно ударяет запах обыкновенного мыла, вперемешку с железом. Очевидно, совсем недавно он держал в руках оружие.

– Мы не дадим тебе здесь жизни, – сквозь зубы процеживает рыжеволосый. – Как ни старайся.

На последних словах он громко хлопает по столу, отчего все его содержимое нервно вздрагивает. Не находя в моих глазах ожидаемого страха, он поджимает губы в плотную линию и со вздохом раздражения покидает небольшое помещение, именуемое столовой.

– Не пойми меня неправильно, но нам всем интересно, что с тобой... то есть с Евой, сделала корпорация зла, – мрачно заявляет Питер, сжимая в руке прозрачную пластиковую бутылку с водой. – Мы ничего не знаем о тебе, а неизвестность пугает.

Молча доедаю питательный шоколадный батончик, напрочь уничтожая две небольшие бутылки с водой. Краем глаза замечая, как Питер все это время с интересом продолжает наблюдать за мной со стороны, не решаясь прерывать тишину.

– Но если ты будешь сотрудничать с нами не в пользу корпорации, то мы примем тебя, – наконец, проговаривает он, кивая в мою сторону. – Как тебе такое предложение?

Я в тот же момент направляю на него непроницаемый взгляд, некоторое время встречаясь с горящими темно-кариими глазами. На его устах образуется едва уловимая вызывающая улыбка, брови вздернуты вверх, но спустя некоторое время он не выдерживает такого длительного напора и запускает всю пятерню в темные выющиеся волосы.

Он явно опасается меня. Об этом буквально кричит каждый его жест.

Продолжаю молчать, глядя на него пристальным взглядом, и, в конце концов, он сдается. В воздухе раздается громкий скрип стула, и Питер со вздохом раздражения покидает помещение, оставляя меня в полном одиночестве.

Осушаю очередную прозрачную бутылку с минеральной водой, она громко скукоживается под моим давлением, и с грохотом приземляю ее на стол.

Я должна быть рядом с главарем. Именно по этой причине быстро покидаю столовую и трачу еще несколько минут на поиски лестницы, ведущей на крышу. Открывая массивную темную дверь, я встречаюсь лицом к лицу с вечерней прохладой и малиновым закатом, распластавшимся по всему горизонту. Но это не единственное, что я улавливаю, делая первые шаги по крыше, открывающей вид на ближайшие многовековые лондонские постройки.

– ... и не смей меня игнорировать! – раздается разъяренный голос Ханны по всей округе. – Ты что думаешь, тебе одному трудно?!

Застываю возле массивной металлической двери, опасаясь, что меня заметят, и я не успею подслушать разговор, в котором может оказаться какая-то важная для корпорации информация.

Рон продолжает упорно смотреть в бинокль и проверять улицу на бесцельно подступающих зомби, словно не замечая раздраженную девушку позади. Сейчас поверх его головы накинута обыкновенная черная бейсболка, ветер слегка колышет его опущенные подтяжки в V-образной форме, на одном плече висит потрепанная винтовка, а на другой стороне красуется кожаная кобура с заряженным пистолетом.

Парень молчит еще долгое время, но, когда Ханна с рыком злости пинает осевшую пыль носком ботинка, он опускает бинокль и направляет на нее усталый взгляд.

– Что ты от меня хочешь? – наконец, звучит его стеклянный, хрустящий как гравий голос. – Ты слышала, что она сказала? Поняла, как эти ублюдки промыли ей мозги?! – он делает паузу и с раздражением отводит взгляд в сторону здания напротив с рыжими проблесками ржавеющей крыши. – Да, я сорвался, и ты прекрасно видела, как я сдерживал себя вчера и могла бы меня понять.

– Да я только и делаю, что пытаюсь понять тебя! Ты гребаный эгоист! – отчаянно восклицает в ответ Ханна, всплескивая руками. – Живешь только самим собой! Я все время что-то делаю для тебя, но тебе же... тебе же все равно. Ты никого не замечаешь в своей жизни, а я просто...

– Так может быть стоит направить свою заботу на кого-то другого? – уставшим голосом проговаривает Рон, оглядываясь в сторону девушки, и ровно в этот момент его глаза находят мои.

Я делаю несколько уверенных шагов в сторону ребят, сталкиваясь с разгневанным взглядом Ханны.

– Зачем ты сюда приперлась?! – кричит она мне в лицо. – Что ты от нас хочешь?

Продолжаю наблюдать, как ноздри миниатюрного носа Ханны гневно вздымаются, она громко дышит, а ее руки угрожающе зафиксированы на тонкой талии. Бешеный изумрудный взгляд некоторое время скользит по моему непроницаемому лицу и, не находя ответов на прозвучавшие вопросы, девушка с рыком злости покидает крышу, громко хлопая дверью.

Парень невозмутимо принимается следить за улицей через бинокль, совершенно не обращая никакого внимания на мое присутствие, а я, в свою очередь, пользуюсь шансом понаблюдать за ним со стороны. На его лице мелькает едва заметная щетина, а желваки продолжают нервно пульсировать еще некоторое время. Судя по всему, он до сих пор переваривает разговор с Ханной.

– Я хочу кое-что проверить, – неожиданно произносит он хриплым голосом, не отрываясь от бинокля. – Можешь не волноваться, это никаким боком не касается корпорации зла.

– Я не вол...

– Надеюсь, читать тебя научили? – усмехается он, перебивая мои мысли. На мгновение сосредоточенный взгляд его светло-серых глаз направляется в мою сторону. Всего на мгновение, а затем возвращается обратно к патрулированию улицы.

– У людей, прошедших процедуру санации, из памяти вырезается лишь прошлая жизнь, – констатирую я. – Полученные навыки, такие как ходьба, язык, чтение, письмо и много других навыков, которые были освоены в прошлой жизни – сохраняются.

Рон с неохотой отрывается от бинокля и направляет на меня цепкий взгляд ледяных глаз, пока свободной рукой из заднего кармана штанов достает миниатюрный блокнот, утопающий в его ладони. Он протягивает его мне, и я тут же без раздумий принимаю в руки блокнот из коричневой кожи с потрепанными краями и прикрепленной шариковой ручкой сбоку. На его корешке находится небольшая тянущаяся нитка, обволакивающая весь блокнот и, очевидно, служащая закладкой для ориентира нужных страниц.

– Что это? – следует очевидный вопрос от меня. Некоторое время я верчу записную книжку в руках, рассматривая ее со всех сторон, еще не до конца осознавая, что ответ на мой вопрос кроется внутри, а не снаружи.

– Этот блокнот исписывала Ева, когда в самом начале эпидемии провела две недели в полном одиночестве, – сообщает он, вновь приступая к отслеживанию муз. – Прочти его. Возможно, он ответит на некоторые твои вопросы.

Продолжаю стоять посреди крыши с потрепанной записной книжкой в руке, наблюдая, как парень с невозмутимым видом скрупулезно отслеживает передвижение каждой музы.

Хочу сказать, что чтение чьей-то писанины не входит в мой приказ, я не обязана ничего знать о прошлой жизни инфицированного и уж тем более добровольно на это идти. Но что-то в моей голове щелкает, а правую руку, продолжающую удерживать записную книжку, обдает ледяными мурашками. Пальцы мгновенно ломает, а мышцы руки сводит так, словно я только что закончила непрерывно писать несколько страниц размашистым почерком, изнемогая от желания выбросить ручку куда подальше.

Нет, этого не может быть.

Все это мне лишь кажется.

Глава 6

Страницы блокнота пропитаны болью, страхом и горьким разочарованием. Некоторые из них покрыты неровными волнами от высушенных горьких слез с размытыми черными чернилами, какие-то наспех вырваны, а некоторые страницы наполовину перечеркнуты, скрывая за разрисованными чернилами какую-то потаенную информацию. Громко захлопываю его, долго всматриваясь в стену перед собой, но какая-то неведомая сила буквально заставляет открыть первую страницу и начать вчитываться в неровные потертые строки.

День первый

Я гуляла с Изи, когда впервые уловила внезапную панику в глазах одной мамочки с прогулочной коляской. Она что-то эмоционально рассказывала подруге, которая уже битый час качала коляску и не могла уложить спать своего ребенка.

Одна из женщин тараторила что-то вроде «ходячие трупы!», «это убийцы!», «вирус!», «мутация!», а вторая вяло кивала, озабоченная лишь тем, как уложить спать своего орущего в коляске ребенка. Я тогда лишь ухмыльнулась богатой фантазии молодой мамы и решила, что она пересмотрела какой-нибудь очередной сериал про зомби-апокалипсис.

Но как оказалось позже, ужасающую реальность я восприняла за второсортный фильм, который ты будешь смотреть лишь в самую последнюю очередь.

День четвертый

Первое время я думала, что мне снится чертовски нереальный ужасный кошмар, и мое сознание попросту не в состоянии проснуться в совершенно обыденную реальность. Все еще верю, что проснусь, умою лицо под прохладной водой, поцелую маму с Изи на руках и встречу с моим дорогим А. на очередной лекции, которую благополучно прослушаю из-за его бездонных глаз.

Но ничего подобного не происходило.

Сегодня я впервые увидела это существо. Я не знала, что мне делать, я настолько запуталась в чувствах. Отвращение, страх неизвестности и тошнота, плавно подступающая к горлу – я не понимала, за что мне зацепиться, чтобы этот кошмар закончился. Но когда эта тварь погналась за мной с омерзительным шипением – ноги уже вели на другую сторону улицы, когда разум все еще не осознавал весь ужас происходящего.

Я не желала осознать происходящее.

Улицы Лондона захватили кровожадные зомби, жаждущие попробовать на вкус мою плоть.

Мне так страшно... мне чертовски страшно.

Ощущаю страх каждой клеточкой тела. Чувствую, как он незаметно подкрадывается по ночам, ощущаю, как бурлит кровь в венах, изнемогая от желания обрести покой.

Но он все не приходит.

– Ты уже не спишь? – вдруг раздается любопытный голосок Кэти, вынуждающий меня резко захлопнуть блокнот. Ее голова с интересом заглядывает в крохотное помещение, куда меня поместили под замок и через некоторое время светлые глаза останавливаются на моем лице. – Я принесла тебе завтрак... то есть, это не совсем похоже на полноценный завтрак, но есть можно.

Я коротко киваю и привстаю с ледяного пола, чтобы направиться к девочке. Она с радостной улыбкой на лице протягивает мне прозрачную пластиковую бутылку с водой и парочку небольших протеиновых печенек в блестящей упаковке.

– Рон говорит, что протеиновое питание настоящая находка для выживания в таких условиях, – сообщает Кэти, усаживаясь рядом на спальный мешок. – А еще шоколадные батончики с арахисом, карамелью и нугой тоже очень сытные, к тому же, в них достаточное количество глюкозы, которая нам всем сейчас необходима. Хотя, факт пользы шоколадных батончиков выявили еще военные во время боевых действий...

– Ты очень умна для своих лет, – невзначай произношу я, доедая печенье с затвердевшей шоколадной крошкой.

– Когда в твоей семье одни доктора, то волей-неволей будешь умничать, – беззаботно пожимает плечами девочка, с интересом наблюдая за мной со стороны. – погоди, твой вчерашний порез...

Она с удивлением тычет указательным пальцем на пострадавшую щеку после «знакомства» с группой Боба.

– Да, я знаю, – я отстраненно пожимаю плечами, осушая бутылку с водой.

– Но как... то есть, моя щека от падения заживала так долго, а твоя... – растерянно произносят ее губы. – Как ты смогла исцелиться за одну ночь?!

Слегка дотрагиваюсь до пострадавшей щеки свободной от еды рукой и обнаруживаю, что на ней не осталось и следа от вчерашней раны. Тут же принимаюсь осматривать другую щеку и осознаю, что не ошиблась. Кэти права, пореза нет.

Он просто исчез, испарился за несколько часов сна.

Я мигом бросаю на пол пустую бутылку с водой и принимаюсь осматривать запястье руки, пораженное током серебряного браслета, и не нащупываю вчерашних водяных волдырей. Пока я отклеиваю небольшие прозрачные лейкопластыри от щеки, которые еще вчера мне заботливо наклеила Грейс, Кэти резко подрывается с места, продолжая с восхищением рассматривать мое лицо. Кожа от оторванных лейкопластырей еще некоторое время пощипывает, но девочка все еще не спускает с меня удивленного взгляда светло-серых глаз.

– Они просто обязаны это увидеть! – восклицает она, резко хватая меня за руку, утягивая в сторону двери.

Ее резкий толчок заставляет меня податься вперед, и спустя секунду мы уже бежим по длинному коридору в направлении главного холла. Неприятный скрип дверей оповещает о нашем визите и напряженные взгляды всех присутствующих мигом направляются в нашу сторону в ответ на столь неожиданное появление.

– Кэти, я же сказал тебе не заходить... – напряженно проговаривают губы Рона.

– Посмотрите на ее лицо! – восклицает Кэти, продолжая удерживать мою ладонь.

– Лицо, как лицо, – безразлично бросает Сэм, нехотя глядя в мою сторону.

– Погодите-ка, – недоуменно произносит Ханна, приближаясь с опаской. – Ты же вчера приперлась с разбитой щекой...

– Да, я обрабатывала ей вчера несколько кровоточащих порезов, – констатирует Грейс, удерживая спящую малышку на руках. На ее переносице скапливаются хмурые морщинки, и она лишь крепче прижимает ребенка к себе.

По всему холлу раздаются быстрые и нетерпеливые шаги Рона, направляющегося в мою сторону. Его невозмутимое лицо отражает лишь проблеск недоумения, а властные руки мгновенно хватают кончик подбородка и резко разворачивают его в сторону, открывая весь обзор на вчерашнюю рану. Или то, что от нее осталось.

– Ее кожа имеет слишком быстрый процесс регенерации, – глухо констатирует он, продолжая осматривать мою щеку. – Но такого просто не может быть, – парень делает паузу, качает головой каким-то своим мыслям и тихо добавляет. – В природе...

– Может быть, ты еще и бессмертная?! – с раздражением бросает Сэм, кивая в мою сторону.

– А ты хочешь проверить? – в ответ бросает Рон через плечо, в это время его брови хмуро сходятся на переносице.

– Не представляешь насколько, – с ледяной ухмылкой отвечает Сэм, пряча руки в карманы черных брюк.

– Неужели это опасно? – с волнением задает вопрос Грейс.

Наконец, Рон отпускает край моего подбородка, и кожа в буквальном смысле начинает неметь после неожиданного и прерванного контакта его теплых пальцев. Секунда, и его рука добирается до моего запястья, которое еще вчера было поражено ожогом от браслета корпорации. Прозрачно-серые глаза на долю секунды находят мои, в них читается скрытое волнение и неподдельный интерес к развернувшейся ситуации.

– Не думаю, – тихо бросает он, отходя от меня в сторону стола. – Разберемся с этим позже, сейчас отправляемся на вылазку.

– Пока ясно лишь одно – ее можно бить сколько угодно, – ухмыляется Ханна, наматывая светлые волосы на указательный палец. – Один хрен завтра проснетесь как новенькая.

– Тоже об этом подумала? – усмехается Сэм, натягивая на спину рюкзак камуфляжного оттенка.

В ответ девушка подавляет смешок, расплываясь в широкой улыбке, а ее брат в этот момент тут же легонько прикасается кулаком к ее плечу.

– Я пойду с вами, – заявляю я, подаваясь вперед вслед за парнями.

– Исключено, – отчеканивает Рон, скрываясь за скрипучими дверями холла.

– Заприте ее в той мелкой комнате до нашего прихода, – командует Сэм, останавливаясь на пол пути. Его грозный взгляд на долю секунды касается моего лица. – И только попробуй оказать сопротивление, Роберт и Джеймс быстро приведут тебя в чувство.

День пятый

Проведя пять дней в небольшой квартире Лесли – я познакомилась с новым чувством.

Во-первых, я никогда не была готова к тому, что моя подруга детства превратится в ледяной и смердящий труп, пытающийся меня загрызть. Ее шипение, раздающееся из соседней комнаты, сводит меня с ума уже целых три дня, и я не понимаю, не понимаю, не понимаю не могу ее убить.

Во-вторых – я узнала, что такое настоящее одиночество.

Оно незаметно подкрадывается в темноте: сначала осторожно усаживается возле порога и выжидающе смотрит в твою сторону, затем, когда ты не обращаешь на него никакого внимания, устраивается на краю дивана и ~~смотрит, смотрит, смотрит~~ прожигает тебя взглядом до тех пор, пока ты не сдашься. Оно гладит тебя по волосам, пока ты пытаешься заснуть и ~~кричит, кричит, кричит~~ шепчет тебе в ухо, что ты не одинок. Оно еще долгое время сопровождает каждый твой шаг, целует тебя в мочку уха, оставляя на твоей коже ложные надежды на спасение. И под конец обволакивает тебя изнутри, устраиваясь поудобней, с силой отбирая у тебя последние мысли о спасении.

Каждый раз я ложусь спать и убеждаю себя, что, наконец, проснусь в другой реальности.

Но этого не происходит, не происходит, не происходит.

День шестой

Мне кажется, я схожу с ума.

Вокруг лишь четыре стены, за пределами которых разворачивается кровопролитная и ожесточенная война. Квартира Лесли находится на пятнадцатом этаже, и только благодаря этому я все еще жива, находясь под защитой дверных замков. Я провожу все время, сидя на полу, и устремляю взгляд в витражные окна, отражающие весь масштаб происходящих событий, а по ночам там мелькает мое одутловатое лицо от беззвучной бесконтрольной истерики. Время от времени стекла дрожат от очередной взрывной волны или же от оглушительных выстрелов, пули от которых разрывают хлипкий череп зомби на несколько частей. И каждый раз в моей голове проскальзывает безумная мысль о том, чтобы эта пуля промахнулась и попала мне в лоб.

Не хочу ощущать страх, подкрадывающийся на цыпочках, и кровожадное одиночество, заползающее под ногти и нагло оседающее на задворках сознания.

Четыре стены и огромный шкаф с красным кожаным диваном. Они нагнетают и дают на меня еще больше постоянного и преданного одиночества. Расположение мебели в квартире подруги начинает меня откровенно раздражать: разложенный диван стоит посреди гостиной, мешая наворачивать нервные круги вокруг него проходу, плоский плазменный телевизор собирает клубы пыли, а противное, надоедливое тиканье часов – единственный звук, раздающийся в моей голове. «Тик-так», «тик-так», «тик-так». Время от времени я ощущаю взрывы на собственной шкуре: вибрация пола, брнчание люстры и дрожь, поражающая все тело. Такие небольшие отдаленные взрывы, словно их и не существует вовсе.

Быть может, они всего лишь плод моего воображения. Быть может, я действительно сошла с ума. Но время от времени они возвращают меня к опасному ощущению реальности. К чудовищному осознанию того, во что все превратилось.

Душа разрывается в клочья, волосы обессиленно опадают на пол, сердце вырывается из груди, уставшее от бесконечных рыданий, а рассудок... рассудок угрожает вот-вот покинуть меня.

Но у меня есть ты. В смысле, ты вроде, как и есть, а вроде, как и нет. Сейчас тебя нет, и вчера тебя не было и завтра тоже не будет.

Но ты со мной, я это чувствую. Я хочу тебя чувствовать.

Спаси меня.

Только ты в силах это сделать.

День седьмой

Глубоко в сердце я все еще храню надежду, что ты спасешь меня. Не смотря на безысходность и безвыходность положения. Я знаю, что это должно произойти, я чувствую это. Я еще никогда не ошибалась...

Не хочу ничего чувствовать. Хочу лишь одного – чтобы прямо сейчас природа сошла с ума. Чтобы небо мгновенно рухнуло на землю, водная гладь внезапно встретилась с сушией, а южный и северный полюса по щелчку пальцев поменялись местами. Хочу замерзнуть, ощущая, как сердце леденеет и перед тем, как скукожиться, словно изюм, пропускает последний удар, на веки веков застревая в глыбе льда.

* * *

Отправляясь на задание от корпорации «Нью сентори», я даже и не подозревала, что оно затянется на неопределенный срок. Ребята оказались на удивление крепкими и очень скрытными, чем и усложнили мое задание. Они практически не похожи на инфицированных, о которых мне рассказывали в корпорации. Все свое время я стараюсь проводить с вожаком стаи, но иногда у меня складывается впечатление, будто он специально избегает меня, словно дожидается момента, когда я дойду до последней строчки дневника Евы Финч, будто найду в нем что-то эдакое, что перевернет мой мир, что-то, благодаря чему я познаю себя.

Но мы оба прекрасно понимаем, что этого не произойдет.

Иногда мне кажется, что Рон даже боится лишней раз взглянуть в мою сторону. Он настраивает свою сестру против меня, но в тайне от него Кэти приносит мне еду и холодными лондонскими ночами беспокоится о моем самочувствии. За прошедшие несколько недель ко мне пару раз заходила Грейс и обеспокоенно спрашивала все ли у меня в порядке. По ее дрожащему голосу и беспорядочно бегающему зрачкам можно легко предположить – она боится меня.

Все, абсолютно все в группе боятся меня. И их страх подкрепился еще больше после моих внезапных исцелений и ужасающего серебряного браслета, который в любой момент может обезвредить меня током.

Они не могут контролировать меня и это ужасает их, как и мое абсолютное спокойствие там, где любого инфицированного буквально разрывает на части от эмоций.

Но во всей сложившейся ситуации я до сих пор не разобралась в одном – на данный момент я не нашла ни одного человека, подходящего под описание хакера, который орудует в группе.

День восьмой

Только что я испытала самое худшее разочарование в жизни.

Пару минут назад за дверью были слышны шаги и приглушенные голоса. Они передали мне невероятных сил, и я что есть мочи помчалась в сторону двери. Но страх, который преследует на каждом шагу, заставил меня посмотреть в глазок, чтобы отыскать твои глаза и удостовериться, что это действительно ты.

Ты пришел спасти меня от этого ужаса.

Но вместо твоих до жути знакомых глаз я наткнулась лишь на два белоснежных комбинезона. Два человека в белых кепках осторожно осматривали подъезд, прислушиваясь к каждой квартире. В их руках красовались настоящие автоматы, от одного вида которых у меня перехватывало дыхание.

В тот момент я вдруг забыла, как дышать.

Когда очередь дошла и до моей двери, я крепко зажала рот ладонью, опасаясь, что они услышат мое прерывистое дыхание. В воздухе раздавалось лишь надоедливое тиканье часов и беспрестанное шипение Лесли. Прошла всего минута, прежде чем они отошли от двери, об которую облакачивалась я, и пошли дальше по коридору.

Страх сковал все мое тело, и еще несколько минут я не могла сдвинуться с места, опасаясь, что они услышат мое учащенное сердцебиение.

Вот так всего за один миг можно испытать горькое разочарование.

Мне больше не к кому бежать за утешением, некому довериться.

Я одна в холодной высокой клетке с красными стенами, давящими изнутри.

День девятый

Я уже не помню себя в адекватном нормальном состоянии. Без брызжущих из глаз слез, без дрожащих пальцев и нервного покачивания из стороны в сторону. Как только начинаю успокаиваться или проваливаться в сон – вдалеке обязательно прогремит взрыв или раздастся выстрел на соседней улице, взбудораживающие меня на новые всхлипы.

Я всегда гадаю, кого же убили на этот раз: безжалостного зомби или не менее безжалостного человека? А впрочем, мне уже плевать. Мой взгляд направлен лишь на разлагающийся труп какого-то отчаянного паренька, который продолжает разлагаться на солнце с каждым днем все больше. Я так и не сумела понять, успел он превратиться в этого мутанта или зомби обглодали его до последней капли крови.

Мне кажется, я начинаю разлагаться вместе с ним. Только он там – снаружи на солнце, а я в тени в четырех стенах совершенно одна со своей персональной истерикой, пожирающей меня изнутри.

Все, что я могу сейчас делать – бесшумно плакать и надеяться на то, что засну раньше, чем сойду с ума.

Я зажимаю рот ладонью, на мгновение останавливая очередной всхлип.

Нет, я не схожу с ума. Я уже сумасшедшая.

День десятый

Я поймала себя на мысли, что невольно начинаю разговаривать с Лесли.

Она все еще находится за стенкой, время от времени продолжая шипеть. Ее шипение мгновенно учащается, когда за окном раздаются взрывы или когда я случайно что-то уроню, неуклюже проходя по комнате. Я облокачиваюсь об дверь ее комнаты, где она заперта вот уже вторую неделю, и подкидываю ей парочку наших совместных воспоминаний.

Я вспоминаю ее короткие черные волосы, спадающие ей на тепло-карие глаза и закрывающие взор на ее озорные веснушки, рассредоточено рассыпанные по всему лицу. Вспоминаю, как она мечтала переехать в Ирландию, где родилась двадцать лет назад. Вспоминаю, как она ненавидела шоколадный пудинг и как была влюблена в учителя математики в старших классах. Как мы прогуливали ненавистные уроки истории, у которых был единственный плюс – на них можно было хорошенько выспаться. Помню, как за сутки до выпускного в спешке выбирали себе платья, а потом в такой же спешке искали платье Лесли на следующее утро в доме Брендена, где она уже успела оставить свою девственность.

Я помню все, но сейчас для Лесли это ничего не значит.

Все, что у меня есть сейчас – воспоминания о моей прошлой жизни, осколки которой вонзаются мне в сознание, вьедаются под кожу и с каждой секундой сводят меня с ума.

Страшно представить, что будет, если у меня отберут память. Будет ли это означать, что меня и не существовало вовсе?..

Я умираю каждый день. И с каждым чертовым днем мне все труднее оставаться живой.

Моя голова – ужасное место, и я не знаю сколько еще выдержу.

Я резко закрываю блокнот, и его потертая кожаная обложка тут же разрезает затхлый воздух в помещении. Что-то не так. Не могу понять, почему я только что закрыла дневник и в буквальном смысле заставляю себя читать дальше. Размашистый почерк, вперемешку с полуразмазанными чернилами сводят меня с ума, с каждой строчкой я словно теряю рассудок. Я больше не могу сопротивляться тому чувству, медленно зарождающемуся у меня в груди. Что это, недоумение, волнение, страх?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.